

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

№3(13)
2024
09.10.2024

№3(13) 2024

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

9 октября 2024 года

RELEASE DATE:

October 9, 2024

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-46;

e-mail: paradigmy-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-46;

e-mail: paradigmy-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2024

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2024

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa(Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemaBellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL
MANAGEMENT

Панкратов С. А.
Семейные ценности и традиции
гражданской активности молодежи
в политико-правовом пространстве
современной России..... 7

Pankratov S. A.
Family values and traditions
of civic engagement of young people
in the political and legal space
of modern Russia..... 7

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER
AND MANAGEMENT

Интымакова Л. Г., Дудникова Е. Е.
Парадигмальный подход к анализу
исторического текста..... 16

Intymakova L. G., Dudnikova E. E.
Paradigm approach to the analysis
of a historical text..... 16

УПРАВЛЕНИЕ
В КОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

COMMERCIAL SECTOR
MANAGEMENT

Янь Лю, Цян Тянь
Создание трансграничной системы
обеспечения качества высшего
образования: теоретическая
основа TQM..... 24

Yan Liu, Qiang Tian
Construction of Cross-border Higher
Education Quality Assurance System:
The Theoretical Framework
of TQM..... 24

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИКА ТРУДА

LABOR ECONOMICS

Иванова Т. Б.
Сравнительный анализ российских баз
данных рынка труда для выявления
поколенческих и цифровых траекторий
поведения населения..... 37

Ivanova T. B.
Comparative analysis of Russian labor
market databases to identify generational
and digital trajectories of population
behavior..... 37

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

Леденёва М. В.
Транспортные системы регионов
России..... 57

Ledeneva M. V.
Transport system in the regions
of Russia..... 57

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**WORLD ECONOMY****Биткина И. К.**Индикаторы финансовой стабильности
пенсионных систем стран

Латинской Америки..... 66

Bitkina I. K.Indicators of financial stability
of pension systems

in Latin America..... 66

ПРАВО**LAW****ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ****PUBLIC LAW SCIENCES****Миронова С. М.**

Правовое регулирование рынка труда

Волгоградской области..... 78

Mironova S. M.

Legal regulation of the labor market

of the Volgograd region..... 78

Ситников М. С.Публично-правовые основания
вмешательства в сферу

метавселенных..... 86

Sitnikov M. S.Public law reasons
for intervention in the area

of the metaverse..... 86

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ**CRIMINAL LAW SCIENCES****Козаренко Ю. И.**Криминологическая характеристика
преступности в отношении

несовершеннолетних

в сети «Интернет»..... 95

Kozarenko Yu. I.

Criminological

characteristics

of juvenile crime

on the Internet..... 95

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 323.2

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Сергей Анатольевич Панкратов

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

*Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Аннотация. Введение. В статье исследуются направления и тенденции влияния института семьи на формирование гражданской активности современной российской молодежи. Интерпретируются ресурсы межпоколенческой солидарности членов семьи в процессе политической и правовой социализации представителей различных групп отечественной молодежи. Акцентируется внимание на поведенческих практиках проявления форм гражданской активности в политико-правовом пространстве Российской Федерации в контексте обеспечения стабильного и безопасного развития общества и государства.

Методология и методы. В качестве теоретико-методологической основы работы выступают концептуальные положения теорий поколений и социализации, деятельностно-активистский и институциональный, рискологический и конфликтологический подходы. В статье используются теоретические и эмпирические методы исследования, в том числе сравнительный, прогностический, интерпретации данных, полученных в ходе проведения экспертных интервью.

Анализ. Гражданская активность отечественной молодежи рассматривается как одна из форм социальной активности населения, проявляющаяся в институализируемом политико-правовом пространстве России. При этом специфика базовых пространственных характеристик во многом определяется противоречивостью различных этапов политической модернизации, многовекторностью осмысления (интерпретации) в научном и семейно-бытовом дискурсе исторических событий XX–XXI вв. В работе акцентируется внимание на механизмах трансляции семейных ценностей и традиций, оказывающих доминирующее влияние

на поведенческие практики гражданской активности в условиях трансформации структуры и функций самого института семьи.

Результаты. Раскрыт потенциал семейных традиционных ценностей для минимизации распространения деструктивных форм активности в молодежной среде. Выделена система факторов, способствующих / ограничивающих воспроизводство и трансляцию в рамках семейных отношений ориентаций на различные формы активизма. Таким образом, в рамках междисциплинарного исследования охарактеризован институт семьи не только как агент политико-правовой социализации, но и субъект политических и правовых изменений в современной России.

Ключевые слова: гражданская активность, молодежь, семья, ценности, традиции, право, политика, пространство, Россия.

UDC 323.2

FAMILY VALUES AND TRADITIONS OF CIVIC ENGAGEMENT OF YOUNG PEOPLE IN THE POLITICAL AND LEGAL SPACE OF MODERN RUSSIA*

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

*The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research within the framework of the project FZUU-2024-0005 «Participation in elections as a family tradition: resources of the institution of the family and vectors of mobilization of civic engagement of modern Russian youth».

Abstract. Introduction. The article examines the directions and trends of the influence of the family institution on the formation of civic engagement of modern Russian youth. The resources of intergenerational solidarity of family members in the process of political and legal socialization of representatives of various groups of Russian youth are interpreted. Attention is focused on behavioral practices of manifestation of citizen activism forms in the political and legal space of the Russian Federation in the context of ensuring stable and safe development of society and the state.

Methodology and methods. The theoretical and methodological basis of the work is the conceptual provisions of the theories of generations and socialization, activity-activist and institutional, riskological and conflictological approaches. The article uses theoretical and empirical research methods, including comparative, predictive, interpretation of data obtained during expert interviews.

Analysis. Civic activity of domestic youth is considered as one of the forms of social activity of the population, manifested in the institutionalized political and legal space of Russia. At the same time, the specificity of the basic spatial characteristics is largely determined by the inconsistency of various stages of political modernization, multi-vector understanding (interpretation) in the scientific, as well as in family and everyday discourse of historical events of the XX–XXI cen-

turies. The work focuses on the mechanisms of transmission of family values and traditions that have a dominant influence on behavioral practices of civic activity in the context of the transformation of the structure and functions of the institution of the family itself.

Results. The potential of family traditional values for minimizing the spread of destructive forms of activity among young people is revealed. A system of factors contributing to / limiting the reproduction and transmission of orientations to various forms of activism within family relations is identified. Thus, within the framework of an interdisciplinary study, the institution of the family is characterized not only as an agent of political and legal socialization, but also a subject of political and legal changes in modern Russia.

Keywords: civic engagement, youth, family, values, traditions, law, politics, space, Russia.

Введение. 2024 год объявлен в России Годом семьи. Он является логическим продолжением актуализации в общественном дискурсе идей поколенческой солидарности, наставничества, любви к Родине, формированию и проявлению искренних патриотических чувств. Как подчеркнул в своем выступлении на Всероссийском форуме «Родные-любимые» Президент РФ В.В. Путин «в семье укоренены наша культура, идентичность, национальный характер. Семья учит, воспитывает, передаёт традиции, знания, в том числе и профессиональный опыт» [9]. И что самое важное «семейные ценности воспитываются с детства и не обрываются за порогом родительского дома, воплощаются дальше в делах и поступках. В великой преданности родной стране, в мужестве солдат и офицеров – в наши дни участников специальной военной операции, в работе ради общего блага. Это и бескорыстный труд волонтеров, и идущая от сердца народная поддержка наших героев, наших бойцов на передовой» [9].

Вместе с тем, представители различных групп отечественной молодежи, стратифицированные по социально-экономическим, региональным, политико-правовым, социокультурным и иным параметрам, проявляют многообразие форм гражданской и политической активности, что связано и с характером, методами семейной социализации, укоренившимися в семье поведенческими практиками. Не отрицая и не принижая значимость иных институциональных / неинституциональных агентов правовой и политической социализации, влияющих на формирование и воспроизводство установок гражданской активности, неоспоримым фактом является ведущая роль семьи как институционального образования, так и членов родственного межпоколенного сообщества.

Таким образом, актуальность исследования влияния института семьи и семейных ценностей на формирование и проявление поведенческих практик гражданской активности отечественной молодежи определяется целым рядом факторов, в том числе: структурной и функциональной трансформацией самой современной семьи (а также ее образа), происходящей как в рамках объективного социально – исторического развития, так и под воздействием идеологических установок, конструируемых определенными социальными группами в глобальном, региональном и национальном масштабах; многовекторностью и усилением характеристик неопределенности в процессе смены поколений, утверждением принципов прагматизма и альтруизма в качестве главенствующих и жизнеутверждающих в возрастной когорте центиниалов; возрастающей динамикой институализации разнообразных форм активности представителей «поколения Z», связанных с освоением Интернет-технологий и сетевых форм коммуникации.

Методология и методы исследования. Использование в рамках данной статьи в качестве одного из основных методологических оснований поколенческого подхода позволяет, с одной стороны, выделить ключевые паттерны, оказывающие доминирующее влияние на мотивы и поведение, диапазон возможностей в рамках одной возрастной когорты, а, с другой стороны, обосновать через возрастную стратификацию поколений пределы возможной конфликтности / солидарности членов семьи. При этом автор использует концептуальные элементы теории социализации, деятельностно-активистского и институционального подходов.

Одним из методологических посылов анализа гражданской активности различных групп российской молодежи выступает тезис о том, что в качестве заблуждения может рассматриваться «одобрение пассивности массы, позволяющей усилить централизацию и бюрократизацию... Безразличие масс становится симптомом ослабления и возможного краха власти, когда последняя выбирает иную стратегию и подталкивает массы к участию в управлении» [5, с. 129]. Следовательно, устойчивость общественной и государственной системы в конечном итоге должна базироваться на восприятии новыми поколениями позитивных форм гражданской активности, критического усвоения семейных традиций, воспроизводимых в рамках межпоколенческой солидарности.

Анализ. В рамках данного исследования важно подчеркнуть, что базовые характеристики политико-правового пространства современной России (под которым автор понимает институализированную публичную сферу политических и правовых отношений и взаимодействий разноразрядных и разноранговых субъектов по значимым проблемам, целям и механизмам развития общества и государства) [1, 8] сложились в контексте сущностного переосмысления не только на научном, управленческо-административном, но и семейно-бытовом уровне противоречивых событий XX столетия – утраты / модернизации российской государственности в 1917 и 1991 гг., а также отстаивания суверенитета Российской Федерации в условиях гибридной войны и санкционной политики со стороны недружественных стран в нынешнем веке. Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно акцентировал внимание в своих выступлениях на том факте, что «все годы после развала Советского Союза Запад не оставлял попыток поджечь постсоветские государства и, главное, окончательно добить Россию как самую большую сохранившуюся часть нашего исторического государственного пространства» [10]. Осмысление социализирующей роли семьи и семейных традиций на активность молодежи приобретает цивилизационный / межкультурный ракурс, когда «геополитическая лихорадка, гибридные угрозы вновь заставляют размышлять о случаях крайней необходимости для экзистенции государства и его народа» [11, с. 168].

Гражданскую активность целесообразно рассматривать как одну из форм социальной активности индивидов (возможно объединившихся в группы, союзы), проявляющуюся в триединстве (желание – способность – возможность) выражать позицию как субъектов, осознающих ответственность и принимающих участие в решении всего спектра задач, стоящих перед обществом и государством, а также в отстаивании личных и групповых интересов и прав. «Практики, ценности, формы и мотивы общественного участия составляют гражданский активизм» [7, с. 32]. При этом демонстрация гражданской активности позволяет как самореализоваться личности, так и утвердиться в коммуникационных установках с единомышленниками.

Результаты эмпирических исследований указывают на систему факторов, способствующих / ограничивающих воспроизводство и трансляцию в рамках семейных отношений ориентаций на различные формы активизма. Во-первых, сам институт семьи в настоящее время переживает существенные изменения от правового признания / отрицания многообразия типов и конфигураций в матримониальном, сексуальном и прокреативном поведении, что продуцирует вариативность межпоколенного взаимодействия солидарности, амбивалентности, сочетания близости, дистанцирования и др.

Во-вторых, отмечается наличие сегментирования установок по поколенческим секторам, определяемое спецификой первичной социализации нынешней молодежи в рамках цифровой среды и результатами ресоциализации членов семей, принадлежащих к предшествующим различным возрастным когортам, пережившим / переживающим комбинирование гражданских, политико-правовых, социально-экономических, социокультурных ценностей на основе переосмысления истории страны через призму истории своей семьи (события Великой Русской революции и гражданской войны; победа СССР в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.; распад СССР 1991 г. и т.д.).

В-третьих, как следствие амбивалентности оценки этапов отечественной истории и степени адаптированности отдельных членов семей (и семьи как институции) к требованиям современного общества проявляется конгломерат мнений по оценке текущих политических событий внутри страны и за рубежом, а также возможности и необходимости личного участия в организациях гражданского общества и включенности в реализацию конкретных вопросов текущей правовой (конституционной) и политической повестки дня. Таким образом, во многом отношение к активной гражданской позиции и формам поведения преломляется через поколенческую трансляцию достижений и недостатков советского этапа отечественной истории.

В-четвертых, далеко не в каждой семье удалось преодолеть межпоколенческие барьеры трансляции и усвоения жизненного опыта, его востребованности поколением, только вступающим на свой самостоятельный жизненный путь освоения реальности. Когнитивный диссонанс, социализирующая замкнутость в кругу членов семьи, места проживания и объективация цифрового неравенства внутри одной поколенческой «группы Z» привели к появлению значительно слоя молодежи (по некоторым опросам до 35 %) не определившихся в позиционном плане – какую роль именно они могут / будут играть в обществе. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что до недавнего времени на территории страны активно проводили работу иные агенты социализации (СМИ, фонды и др.), позиционировавшие приоритет западных ценностей и целевых установок. Фактически попытки адаптировать российские традиции под западные стандарты и институты начали приводить к деформации самих отечественных традиций и институтов.

В-пятых, как показывают результаты экспертных интервью, представители старшего поколения в своей активности достаточно часто мотивируются принципом «принесения пользы» другим. Гражданский активизм нового поколения, не отрицая данный принцип, по существу, тем не менее приоритет отдает возможностям самореализации, а также выполнению гражданского долга перед обществом и государством. Указанные тенденции проявляются в конкретных поведенческих практиках, в частности молодежь готова не только участвовать в выборах в роли избирателя, но осознанно осваивает компетенции наблюдателя за

ходом голосования и подсчетом бюллетеней. Эмпирически зафиксирован рост так называемого «семейного голосования», когда одновременно на участки приходят члены семей, относящихся к различным поколенческим когортам. Это совсем не означает межпоколенческую солидарность в предпочтениях при голосовании за того или иного кандидата или политическую партию.

Особое место в этой связи проявлением гражданской активности выступает участие в офлайн / онлайн акциях и кампаниях (протестных и в поддержку значимого с их точки зрения события), а также участие в волонтерских и добровольческих организациях. «Волонтерство представляет большой спектр возможностей для самореализации молодежи в различных сферах. Например, приобрести единомышленников, найти значимый для себя круг общения, получить поддержку в дружеском взаимодействии» [4, с. 75].

В-шестых, для современной молодежи, активно включенной в цифровую среду, в рамках сетевой организации и коммуникации трансформируется идентификационная составляющая семейной организации, т.е. расширяются рамки семьи как института кровнородственных отношений, дополняясь наличием «цифровых друзей» и «значимых других». «Цифровая среда – естественная среда обитания для центиниалов... При этом центиниалы одновременно являются участниками многих сообществ, в которых взаимодействуют с другими участниками, разделяющими их ценности и приоритеты [3, с. 142]. «Цифровая / сетевая семья» позволяет формировать и реализовывать новые лидерские качества личности – гражданина – члена сообщества, которые нередко сдерживаемы в семейной межпоколенной структуре. Институализация цифровой культуры нового поколения в определенной степени способствует проявлению кризисных триггеров идентичности.

Акцентируя внимание на обладании институтом современной российской семьи набором инструментов, позволяющих ему специфическим образом влиять на формирование поведенческих практик гражданской активности подрастающего поколения через: обсуждение в «узком кругу» разноуровневых текущих и будущих событий, преломляя их через интересы и судьбы конкретных членов семьи; воспроизводство негативных и позитивных эмоциональных состояний через семейно-родственную событийность (праздники, встречи с родными и близкими и др.); направление вектора усвоения интересов (личных, семейных, общественных и др.); передачу навыков и мастерства в освоении реальности и т.д., обращаем внимание на тот факт, что «общее место встречи» – домашний семейный очаг трансформируется в комбинированное пространственно-временное поле офлайн и онлайн встреч в чатах, смс-сообщениях и др., тем самым внедряя в обыденность новые формы коммуникации и понимания социально значимой активности.

Заключение. Развитие российского общества и государства в условиях санкционной политики со стороны ряда недружественных стран, ограничений, связанных с проведением Специальной военной операции на территории Украины, объективирует вопросы консолидации граждан в обеспечении стабильности и безопасности. Одним из ресурсов минимизации внутренних и внешних рисков и угроз выступает межпоколенческая солидарность в том числе по вопросам гражданской активности населения и, в частности, представителей молодежи. В этом контексте институт семьи выступает не только традиционным агентом политической и правовой социализации представителей новых возрастных когорт, но и субъектом, во многом определяющим стратегические векторы жизнедеятельности.

Это происходит в силу тех обстоятельств, что, с одной стороны, институт семьи входит в систему традиционных ценностей, имеющих особые приоритеты и поддержку со стороны российского государства [6], а, с другой стороны, адаптирует механизмы целеполагания инновационного развития через нацеленность молодежи на будущее в рамках уважения и любви к «родному пепелищу» и любви к «отеческим гробам». Таким образом, гражданская активность молодежи формируется членами семьи как ценность и практика демократического общежития, нацеленная на созидание, а не разрушение.

Безусловно, определенной части молодежи, объективно свойственен «бунтарский дух», связанный с особым восприятием несправедливости, иным видением перспектив по сравнению с предшествующими поколениями, что проявляется в протестных формах гражданской и политической активности [2]. С нашей точки зрения, функциональная специфика социализирующего воздействия членов семьи и состоит не в подавлении, а в артикуляции позитивного вектора стремления к самореализации в процессе активной деятельности новой когорты граждан в рамках российской цивилизационной и гражданской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барциц И. Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 40–62.
2. Бородина А. В., Тихонова А. С. Особенности цифровизации практик межличностных и семейных отношений молодых россиян и ряд ее социальных последствий // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 2. С. 179–187.
3. Бреслер М. Г. Специфика российского когнитариата поколения Z // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 2. С. 141–153.
4. Быстрова Н. В., Цыплакова С. А. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи // Карельский научный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 73–76.
5. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 122–130.
6. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента России от 09.11.2022 № 809 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 21.08.2024).
7. Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31–47.
8. Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Кертман Г. Л., Кучинов А. М., Мирясова О. А., Недяк И. Л., Павлова Т. В., Панов Л. Г., Филиппова Л. Е. Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 527–571.
9. Путин В. В. Выступление на Всероссийском форуме «Родные-любимые» 23.01.2024 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73297> (дата обращения 20.08.2024).

10. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 20.08.2024).
11. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 165–170.

REFERENCES

1. Bartsits I. N. Pravovoe prostranstvo Rossii: poniatie, resursy, priznaki [Legal Space of Russia: Concept, Resources, Features]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2003, no. 3, pp. 40–62.
2. Borodina A. V., Tikhonova A. S. Osobennosti tsifrovizatsii praktik mezhluchnostnykh i semeinykh otnoshenii molodykh rossiian i riad ee sotsialnykh posledstviy [Features of Digitalization of Interpersonal and Family Relations Practices of Young Russians and A Number of Its Social Consequences]. *Vestn. Udm. un-ta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestn. Udmurt. University. Sociology. Political Science. International Relations], 2022, vol. 6, no. 2, pp. 179–187.
3. Bresler M. G. Spetsifika rossiiskogo kognitariata pokoleniya Z [Specifics of The Russian Cognitariat of Generation Z]. *Vestn. Udm. un-ta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestn. Udm. University. Sociology. Political Science. International Relations], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 141–153.
4. Bystrova N. V., Tsyplakova S. A. Volonterskoe dvizhenie kak faktor razvitiya sotsialnoi aktivnosti molodezhi [Volunteer Movement as A Factor in The Development of Social Activity Of Youth]. *Karelskii nauchnyi zhurnal* [Karelian Scientific Journal], 2018, vol. 7, no. 1 (22), pp. 73–76.
5. Isaev I. A. Narod i suveren: odnorazovoe soglasenie [People and Sovereign: One-Time Agreement]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)], 2023, no. 4 (104), pp. 122–130.
6. *Osnovy gosudarstvennoi politiki po sokhraneniuyu i ukrepleniiu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei. Utverzhdeny Ukazom Prezidenta Rossii ot 09.11.2022 № 809* [Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. Approved by Decree of the President of Russia dated 09.11.2022 No. 809]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed 21.08.2024).
7. Parma R. V. Grazhdanskaya aktivnost pokoleniy v sovremennom rossiiskom obshchestve [Civic activity of generations in modern Russian society]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 31–47.
8. Patrushev S. V., Aivazova S. G., Kertman G. L., Kuchinov A. M., Miriasova O. A., Nediak I. L., Pavlova T. V., Panov L. G., Filippova L. E. Institutsionalnyi analiz politicheskogo prostanstva v Rossii: predvaritelnye rezultaty issledovaniya [Institutional analysis of the political space in Russia: preliminary results of the study]. *Rossiia reformiruiushchiasya: ezhegodnik: vyp.17* [Re-forming Russia: yearbook: issue 17] / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf, 2019, pp. 527–571.
9. Putin V. V. Vystuplenie na Vserossiiskom forumе «Rodnye-liubimye» 23.01.2024 g. [Speech at the All-Russian Forum «Natives and Beloved» on January 23, 2024]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73297> (Accessed on 20.08.2024).

10. Putin V. V. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu* [The President's Address to the Federal Assembly]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (Accessed on: 20.08.2024).

11. Rumiantseva V. G. Gosudarstvennyi interes: vlast suverena po umolchaniyu [State interest: the power of the sovereign by default]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGUuA)* [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)], 2023, no. 11, pp. 165–170.

Информация об авторе

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>, SPIN-код: 1359-2206, AuthorID: 403909.

Information about the Author

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>, SPIN-код: 1359-2206, AuthorID: 403909.

Для цитирования: Панкратов С. А. Семейные ценности и традиции гражданской активности молодежи в политико-правовом пространстве современной России // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 7–15. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 101.1:316.3

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Лариса Григорьевна Интымакова, Елена Евгеньевна Дудникова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается сущность парадигмального подхода к анализу социально-исторических текстов, раскрываются различные аспекты понимания исторических событий и фактов в процессе их изучения, дается развернутая аргументация необходимости сочетания универсальных и общепринятых трактовок и алгоритмов понимания текста с индивидуальным видением исследования этих феноменов.

Методы исследования. При изучении социально-исторического текста как одного из источников понимания множественных событий и фактов конкретной эпохи предполагается использовать парадигмальный подход как универсальное методологическое основание исследования исторических процессов. Методы исторического и логического анализа этих событий и фактов позволяют достичь целостного понимания текста в социальном познании.

Дискуссия. Понятийно-концептуальный аппарат, который может способствовать адекватному описанию исторического процесса, нередко связывается с каким-то одним подходом к объяснению этого процесса, например, формализационным, цивилизационным, линейным, ковариативным и так далее. Однако, при этом не затрагиваются моменты, связанные с тем, что при изучении исторического процесса тот или иной исследователь наряду с использованием универсальных методов и средств для анализа фрагментов действительности, представляющих для него интерес, привносит свое видение в философское осмысление исторического процесса.

Заключение. Таким образом, понимание истории предстает перед исследователем как один из ключевых моментов конструирования истории как процесса. Выбор той или иной концептуальной системы моделирования будет обуславливаться определенными установками познающего субъекта на подобную интерпретацию.

Ключевые слова: исторический текст, темпоральный фактор, постнеклассическая рациональность, исторический факт, понимание, трансцендентальность, событие.

UDC 101.1:316.3

PARADIGMAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF A HISTORICAL TEXT

Larisa G. Intymakova, Elena E. Dudnikova

Rostov State University of Economics (RINH),

Taganrog, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the essence of the paradigmatic approach to the analysis of socio-historical texts, reveals various aspects of understanding historical events and facts in the process of their study, provides a detailed argumentation for the need to combine universal and generally accepted interpretations and algorithms for understanding the text with an individual vision of the study of these phenomena.

Research methods. When studying a socio-historical text as one of the sources of understanding multiple events and facts of a particular era, it is proposed to use the paradigmatic approach as a universal methodological basis for the study of historical processes. Methods of historical and logical analysis of these events and facts allow us to achieve a holistic understanding of the text in social cognition.

Discussion. The conceptual apparatus that can contribute to an adequate description of the historical process is often associated with a particular approach to explaining this process, for example, formalization, civilization, linear, covariance, etc. However, this does not address the issues related to the fact that when studying the historical process, one or another researcher, along with using universal methods and means for analyzing fragments of reality that are of interest to him, brings his own vision to the philosophical understanding of the historical process.

Conclusion. Thus, the understanding of history appears to the researcher as one of the key moments in constructing history as a process. The choice of one or another conceptual modeling system will be determined by certain attitudes of the cognizing subject to such an interpretation.

Keywords: historical text, temporal factor, post-non-classical rationality, historical fact, understanding, transcendentality, event.

Введение

В современной социально-философской литературе приоритетным является круг проблем, связанный с осмыслением структур исторического процесса. Такого рода архитекtonика исследуется, с одной стороны, с точки зрения конструирования, а с другой стороны, под углом зрения некоего темпорального фактора. Этот фактор дает возможность рассматривать историю как процесс, как определенный круг событий, как совокупность фактов, как наличие разнообразных направлений в развитии этого процесса.

В современной философской литературе имеется определенное количество исследований, посвященных этой проблеме. В то же время проблема развития и формирования концептуального аппарата, необходимого для объективного описания и отображения исторических событий, по-прежнему остается недостаточно изученной. Адекватное описание истории как процесса подразумевает исследование исторических событий на различных уровнях. Со-

ответственно, ситуация требует использования разнообразного понятийного аппарата, а также употребление понятий, характерных не только для определенной сферы знаний, в частности, для философии истории, но и тех, к которым обращаются в междисциплинарных исследованиях с выходом на социально-философский анализ исторического процесса.

Структурный подход к проблеме понимания имплицитно предполагает анализ соотношения смыслового значения фразы и текста. Поскольку смысл текста детерминирован условиями истины, встает вопрос об основаниях оценки исторических или философских источников. Пропозициональная модель в этом случае недостаточно эффективна, как, впрочем, и деконструктивизм. В связи с этим следует обратиться к онтологической проблеме языка, основной задачей которой является, в первую очередь, определение границы смыслов – буквального и переносного. В частности, социально-гуманитарный текст, который в отдельных случаях выступает своеобразным символом конкретной исторической эпохи, возможно адекватно понять исключительно в неразрывной связи с периодом его создания. Однако, интерпретируя этот текст, следует учитывать, что к нему не должно применяться буквальное прочтение.

Методы исследования

Теоретико-методологическую основу данного исследования составляют общепарадигмальные принципы и методы проведения исследований, такие как: принципы системности, всесторонности, конкретности. При изучении социально-исторического текста как одного из источников понимания множественных событий и фактов конкретной эпохи предполагается использовать парадигмальный подход как универсальное методологическое основание исследования исторических процессов. Основным методом исследования – это рассмотрение отдельных фактов и ключевых событий как элементов целостности исторического процесса, способных изменить вектор его развития. Такой подход позволяет понять объективную логику развития человеческого общества и отдельных структурных компонентов его организации. Он способствует достижению целостного понимания социально-исторических процессов, а также определению объективных показателей трансформации элементов системы, что позволяет выявить наличие качественных преобразований или стагнации социума в определенный исторический период.

Дискуссия

Сложность, вызывающая дискуссии, заключается в том, что категориально-концептуальный аппарат, который в состоянии способствовать адекватному описанию исторического процесса, чаще всего ассоциируется только с одним из подходов к трактовке этого процесса, таким, как, цивилизационный, линейный и прочие.

В то же время, обычно авторы в значительно меньшей степени обращают внимание на аспекты, коррелированные с тем, что в процессе исследования исторического процесса конкретный аналитик помимо применения общезначимых средств и методов для осмысления сегментов действительности, вызывающих у него заинтересованность, привносит свое видение проблемы. Это детерминируется, в первую очередь, тем, что частно-научные методики исследования в сфере решения общих проблем на современном этапе пользуются довольно широкой популярностью. Доказательством тому служат труды В. С. Степина, В. С. Швырева, которые в исследованиях в сфере постнеклассической рациональности переносят фокус ис-

торического исследования в значительной мере на оценочные, интерпретационные, мировоззренческие, установочные и иные функции познающего деятельностного субъекта [3; 5].

Из такой трактовки вытекает, что конструктивный подход к исследованию исторического процесса подразумевает довольно устойчивую логико-методологическую основу для осмысления данного процесса. Вследствие этого стоит иметь ввиду, что категориальный аппарат, используемый в современной, в том числе неклассической логике, иногда является не только полезным, но и важным для исследования постнеклассической действительности с позиции изучения ее как сложившегося результата всемирного исторического процесса [1, с. 112].

Разумеется, с одной стороны, вести речь об универсальности моделирования истории с социально-философских позиций легче в границах определенного подхода к исследованию истории социума. В то же время, универсальность такого рода может способствовать редукции логико-методологического базиса к принципу единства исторического и логического, системности и иным подходам, которые, при всей их справедливости, чаще всего способствуют получению общей схемы, обобщенной конструкции в рамках исторического процесса, не учитывая частных деталей, отдельные сегменты, конкретные события, происходящие в русле социально-исторического процесса. В связи с этим, на первый план все чаще выходит фигура исследователя, а именно, предпочтение им определенной методологии, наличие у него жизненного опыта, аксиологические установки.

Нельзя сказать, что познающий субъект в этом случае игнорирует разнообразие тех преобразований, которые имеют место в рассматриваемой им действительности. Однако, исторический опыт, приобретенный им в процессе работы над аналогичными материалами, несомненно, повлияет на его выбор конкретной социальной методики подхода, и к осмыслению исторического процесса, и к конструированию его понимания исходя из тех категорий, которые он рассматривает как наиболее валидные в русле проводимого им исследования.

В современной философской литературе, невзирая на весьма обширный диапазон трудов по философии истории, обнаруживаются определенные приоритеты в области ее изучения, детерминированные стратегией анализа исторического процесса, предпочитаемой автором. Следует заметить, что философское осмысление исторического процесса подразумевает вариативность его интерпретаций. В этом контексте уместно упомянуть известные работы К. Ясперса и М. Хайдеггера, в которых была дана не только классическая оценка исторического процесса, но и сделаны выводы, повлиявшие практически на все последующие исследования, а также на философские школы, сформировавшиеся в результате их деятельности [4; 6]. В частности, в качестве одного из насущных вопросов в экзистенциальной философии, в том числе, в концепции К. Ясперса, является проблема невозможности познания человеческого бытия. С точки зрения К. Ясперса, эта невозможность объясняется тем, что человеческое бытие не может быть объективировано. Другими словами, оно имеет исключительно субъективный характер и, следовательно, непознаваемо. Человек может исключительно «апеллировать к возможности», другими словами, бесконечно «приближаться к прояснению» [6, с. 168]. Однако, в этом случае наблюдается противоречие: все, что существует вне человеческого сознания, имеет объективный характер, а значит, в определенной степени познаваемо. Исторический процесс, с момента осознания человеком своего существования, представляет собой историю человеческого бытия. В этом случае исследователю необходимо

ответить на вопрос о том, объективны или субъективны по своему характеру предшествующие исторические эпохи, а также сегменты, факты, события, составляющие их содержание. Есть ли возможность их понять и насколько мы можем их познать? Если не можем, то в силу каких причин? История науки не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Это объясняется тем, что исторический процесс двойственен по своей сути. *С одной стороны, он объективен, а с другой стороны – субъективен.* В частности, субъективность исторического процесса выражается в том, что человек является не только объектом воздействия исторических событий и социальных сил, но и сам непосредственно причастен к ее реализации. Эта причастность может проявляться, к примеру, в принятии человеком судьбоносных решений, которые могут влиять не только на его жизнь, но и на судьбы огромного количества людей. От адекватности оценки исторической действительности в момент принятия решения, во многом зависит характер этого решения, а также степень его влияния на последующий ход истории.

Одной из основных характеристик объективности исторического процесса является независимость от волеизъявления конкретной личности различных последствий, порождаемых историческими событиями и фактами, которые могут приобрести глобальные масштабы.

Различные исторические факты человеческого бытия, имевшие место в прошлом и происходящие в настоящем, документируются в разного рода исторических источниках: хрониках, аналитиках, описаниях, в результате чего исторические события и факты объективируются. Это позволяет познающему субъекту дать оценку их роли в жизни общества и выявить их место в историческом процессе. Иначе говоря, исследователь получает возможность понять и изучить интересующий его исторический факт или событие, или эпоху в целом. Соответственно, роль своего рода медиатора в процессе понимания того или иного исторического события играет текст.

Заключение

Итак, мы приходим к выводу, что понимание или интерпретация истории выступает одним из ключевых моментов конструирования истории как процесса. Предпочтение той или иной концептуальной системы этого конструирования будет во многом детерминировано конкретными установками познающего субъекта на выбор интерпретации.

Эти установки, безусловно, могут быть абсолютно разными. *Они могут* определяться как предпочитаемыми исследователем философскими направлениями, так и индивидуальными личностными особенностями познающего субъекта. В этом случае, философия истории является результатом обращения интерпретатора к ее основным схемам и конструкциям. Полученные кластеры могут рассматриваться и в качестве объекта анализа, и как источник, дающий возможность конкретному субъекту-исследователю интерпретировать исторические события. Это может свидетельствовать о конкретной личностно-ориентированной парадигме исследования исторического процесса.

Иначе говоря, интерпретатор определяет для себя не только стратегию исследования исторического процесса, но и локальную тактику. С одной стороны, ему приходится в какой-то степени принимать универсальные характеристики различных подходов философии истории. С другой стороны, исследователь стремится определить собственный диапазон, характер и формы интерпретации тех или иных этапов истории.

Именно поэтому в рамках современной литературы, как философского характера, так и в других областях науки, широко распространенным стало использование понятия «понимание». «Понимание» – одна из ключевых категорий, входящих в понятийный аппарат как философии истории, так и различных разделов герменевтики, направленных на истолкование текста [2, с. 57].

В контексте философского знания использование этой категории не является принципиальным нововведением, однако, «понимание» представляет собой в определенной степени комфортное понятие для использования при анализе семантических особенностей субъекта познания, интерпретации объекта познания, рассмотрения отношения субъекта к объекту и наоборот, в рамках именно философии истории, так как достаточно жесткое выделение объекта и субъекта в философии истории обычно не просматривается.

Речь идет о человеке как об активной, деятельностной стороне в рамках исторического процесса. При этом, ни в коей мере не отрицается объективность исторического процесса, но, когда человек реально сталкивается с исследованием этого процесса, он должен учитывать, что достаточно сложно изучать исторический процесс в «чистом виде» в настоящем времени, так как смена исторических эпох способствует затруднению понимания исторического процесса, здесь же накладывается и ряд других причин. Но возникновению понимания того или иного исторического события, явления будет способствовать налаживание диалога между интерпретатором, как представителем определенной исторической эпохи, и тем автором, трактующим данное историческое событие, как представителем предшествующей исторической эпохи, в рамках которой оно имело место.

В связи с этим, возникает необходимость обращения к различного рода источникам, текстам (как указывалось выше, понимание исторического процесса в основном происходит через текст), способствующим представлению, не только исторического процесса как такового, но и его конкретных этапов.

Достижению понимания, как результата освоения информации способствует взаимосвязь рационалистической и герменевтической компонент, лежащих в основе герменевтической логики.

Герменевтика, как и любая другая философская дисциплина, подразумевает, что часть операций, представленных именно в рамках герменевтического метода, вполне сочетается с некоторыми действиями, совершаемыми понимающим субъектом в определенном порядке [7, с. 73]. И нарушение особенностей развития такого понятия как «герменевтический круг», может вести к тому, что такой источник знаний как социально-гуманитарный текст не будет поддаваться герменевтическому истолкованию только потому, что нарушены основные принципы самого процесса понимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демьянков В. З. Интерпретация текста и стратагемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психоллингвистические исследования). М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. С. 109–116.

2. Кузнецов В. Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 3. С. 51–64.
3. Степин В. С. Деятельностная концепция знания (дискуссия с Игорем Алексеевым) // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 42–51.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 227 с.
5. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
7. Шульга Е. Н. Современная философская герменевтика: понимание и интерпретация: учебник для вузов / 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 304 с.

REFERENCES

1. Dem'yankov V. Z. Interpretation of text and stratagems of behavior // Semantics of language units and text (linguistic and psycholinguistic studies). Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1979. Pp. 109–116.
2. Kuznetsov V. G. Classical and non-classical hermeneutics: continuity and transformation // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2010. No. 3. Pp. 51–64.
3. Stepin V. S. Activity concept of knowledge (discussion with Igor Alekseev) // Questions of Philosophy. 1997. No. 8. Pp. 42–51.
4. Heidegger M. Being and Time / M. Heidegger; Transl. from Ger. V. V. Bibikhina. Khar'kov: «Folio», 2003. 227 p.
5. Shvyrev V. S. Rationality as a cultural value. Tradition and modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 176 p.
6. Jaspers K. The meaning and purpose of history. Translated from Russian. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.
7. Shulga E. N. Modern philosophical hermeneutics: understanding and interpretation: textbook for universities / 2nd ed. Moscow: Publishing house Yurait, 2024. 304 p. ЭКОНОМИКИ И ПРАВА № 1, 2023.

Информация об авторах

Лариса Григорьевна Интымакова, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», ул. Инициативная, 48, 347936 г. Таганрог, Российская Федерация, larisaint@gmail.com, SPIN-код: 4915-9074, AuthorID: 331971.

Елена Евгеньевна Дудникова, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», ул. Инициативная, 48, 347936 г. Таганрог, Российская Федерация, elena.dudnikova0703@yandex.ru, SPIN-код: 5852-4529, AuthorID: 315692.

Information about Authors

Larisa G. Intymakova, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and State and Legal Disciplines, Rostov State University of Economics (RINH), 48 Initsiativnaya St., 347936 Taganrog, Russian Federation, larisaint@gmail.com, SPIN-код: 4915-9074, AuthorID: 331971.

Elena E. Dudnikova, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and State Legal Disciplines, Rostov State Economic University (RINH), 48 Initsiativnaya St., 347936 Taganrog, Russian Federation, elena.dudnikova0703@yandex.ru, SPIN-код: 5852-4529, AuthorID: 315692.

Для цитирования: Интымакова Л. Г., Дудникова Е. Е. Парадигмальный подход к анализу исторического текста // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 16–23. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

УПРАВЛЕНИЕ В КОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

COMMERCIAL SECTOR MANAGEMENT

УДК 378.1

СОЗДАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА TQM*

Янь Лю

Школа менеджмента, Чанчуньский университет,
Чанчунь, Китай

Цян Тянь

Бизнес-школа колледжа Яньтай Наньшань,
Яньтай, Шаньдун, Китай

*Научно-исследовательская база цифрового бизнес-образования в провинции Цзилинь, Чанчунь 130022.

Фонд: Проект планирования образовательной науки провинции Цзилинь «Исследование стратегий по повышению интернационализационного потенциала высшего образования в провинции Цзилинь» (№: GH20252)

Аннотация. В последние годы трансграничное высшее образование достигло большого прогресса, и создание его системы обеспечения качества является ключом к быстрому развитию трансграничного высшего образования. На основе комплексного управления качеством (TQM) анализируется важность и необходимость создания системы обеспечения качества трансграничного высшего образования, а также обсуждаются применимость и осуществимость применения TQM к трансграничному высшему образованию с теоретической и практической точек зрения. На этой основе была создана система обеспечения качества трансграничного высшего образования, включающая шесть модулей: международная среда и отношения, удовлетворенность клиентов, всестороннее участие, управление процессами, непрерывное улучшение и совершенствование качества. Обеспечить теоретическую поддержку и справочную информацию для обеспечения качества трансграничного высшего образования.

Ключевые слова: трансграничное высшее образование, обеспечение качества, TQM.

UDC 378.1

CONSTRUCTION OF CROSS-BORDER HIGHER EDUCATION QUALITY ASSURANCE SYSTEM: THE THEORETICAL FRAMEWORK OF TQM*

Yan Liu

School of Management, Changchun University,
Changchun, China

Qiang Tian

Business School of Yantai Nanshan University,
Yantai, Shandong, China

*Research Base of Digital Business Education in Jilin Province, Changchun 130022

Fund: Jilin Province Education Science Planning Project “Research on Strategies to Enhance the Internationalization Capability of Higher Education in Jilin Province” (No: GH20252)

Abstract. In recent years, cross-border higher education has made great progress, and the construction of its quality assurance system is the key to the rapid development of cross-border higher education. Based on the comprehensive quality management (TQM), the importance and necessity of constructing the cross-border higher education quality assurance system are analyzed, and the applicability and feasibility of TQM application to cross-border higher education are discussed from theoretical and practical aspects. On this basis, a cross-border higher education quality assurance system has been constructed, including six modules: international environment and relationship, customer satisfaction, full participation, process management, continuous quality improvement, and quality excellence. To provide theoretical support and reference for the quality assurance of cross-border higher education.

Keywords: cross-border higher education; quality assurance; TQM.

Introduction

Driven by the competition for international status in the world university rankings, cross-border higher education has developed rapidly in recent years^[1]. The demand for cross-border education will grow from 1.8 million international students in 2000 to 7.2 million in 2025^[2]. Cross-border education is often related to internationalization and globalization and is interchangeable with transnational education, overseas education, and borderless education^[3]. The Guide to the Quality Assurance of Cross-border Higher Education states that cross-border higher education is the higher education for teachers, students, programs, institutions, education providers, or curriculum materials across jurisdictional borders. It includes a variety of models, from face-to-face to distance learning^[4]. Cross-border education is part of the development of collaboration programs, academic exchange programs, and business activities, focusing on student mobility, program mobility, and the mobility of educational providers or institutions^[5]. The cross-border flow of educational programs can be described as face-to-face or distance learning or a combined model of transnational education or training courses and programs, and its main popular models include franchising, dual

programs, double degrees, and various cohesion models. The cross-border movement of education providers has been described as a cross-border physical or virtual movement of education providers (institutions, organizations, companies), to provide educational or training programs and/or services to students and other clients. These education providers can be divided into two categories: traditional higher education institutions engaged in teaching, research, and social services, and new education providers based on business, focusing on teaching and providing educational services^[6]. In addition to the three basic flows of personnel, projects, and institutional flow, transnational higher education has also been exploring new models. In recent years, a new cross-border higher education cooperation model, cross-border university, has been increasingly developed^[7].

The rapid growth of the cross-border mobility of students, programs, and institutions gives us new opportunities for higher education, yet it also poses some risks. The most important challenge in cross-border education is how to ensure academic quality and realize the rationality of granting qualifications^[6]. More and more countries and institutions are realizing the importance of quality assurance for cross-border higher education. UNESCO (UNESCO) and the Organization for Economic Cooperation and Cooperation (OECD) have jointly developed the Guide to the Quality Delivery of Cross-border Higher Education. It includes six stakeholders in higher education: government, higher education institutions/education providers, students, quality assurance and accreditation bodies, academic accreditation bodies, and professional committees^[6]. The purpose of the guide is to protect students and other stakeholders from low-quality education and fake education and encourage the quality development of cross-border higher education to meet human, social, economic, and cultural needs^[4]. UNESCO, in collaboration with the Asia-Pacific Regional Network for Higher Education Quality (APQN), has developed the Toolkit for Establishing Cross-border Education Standards, which aims to establish a regular framework for cross-border education to help the input of educational resources, matters related to exporting countries, models, interests, and practices. The UNESCO Centre for Higher Education (UNESCO / CEPES) and the European Commission (European Council) have developed the Good Implementation Guidelines for the Delivery of Transnational Education. These guidelines are helpful for educational policy-makers^[6].

Countries are also making continuous efforts to ensure the quality of cross-border higher education. As major exporting countries of transnational higher education, Australia and the UK have been committed to developing and improving the «implementation guidelines» since the reputation of their universities^[8]. The UK's transnational higher education quality assurance system is multi-level, including institutions of higher learning, independent evaluation agencies, professional certification agencies, and the news media^[9]. Australia's education quality assurance system has been gradually established in the 1950s and has been improved by now. Australia's own higher education quality assurance system is five-in-one, which consists of the federal government, state government, University Quality Assurance Agency (AUQA), Australian Academic Qualifications Framework Agency (AQF) and universities^[10].

Although all countries and organizations have formulated relevant policies, guidelines, and guidelines on the quality of cross-border higher education, the quality assurance system of cross-border higher education still faces great challenges. There is a broad consensus on quality assurance: a) many countries are both education exporters and importers, thus considering the bilateral role of countries; b) different countries have different principles, so global quality standards must consider diversification (including national objectives, protecting local systems); c) the national

framework and rule system of quality assurance have not developed well in many countries, or incompatible with evaluation methods proposed by external international evaluation agencies^[11].

After more than 30 years of education opening to the outside world, China's cross-border education has also made great achievements. In 2014, China became the world's largest cross-border education resource country, the world's largest exporting country, and the world's third-largest country receiving international students. It is necessary to strengthen the construction of cross-border education quality assurance to promote and standardize the development of Sino-foreign cooperation. The guarantee of the quality of cross-border education should become the common responsibility of government quality assurance institutions and various educational institutions at all levels^[12]. At the same time, China's cross-border higher education also faces great challenges^[3].

Based on this background, it is of great theoretical and practical significance to explore the quality assurance of cross-border higher education. First of all, quality assurance is an important means for the implementation of cross-border higher education and the main way to standardize various cross-border education forms. In the environment of fierce competition in international education, quality assurance is particularly important. Secondly, the establishment of the cross-border higher education quality assurance system can ensure the rights and interests of all stakeholders in cross-border higher education, ensure that students can enjoy fair educational resources, and protect the interests of educational service providers. Finally, the quality assurance of cross-border higher education can improve the credibility of higher education, eliminate false and deceptive behaviors, prevent the spread of «diploma factories», and improve the public's acceptance of cross-border higher education.

This paper takes the comprehensive quality management method (Total quality management, TQM) as the analysis framework, and aims to explore the construction of a quality assurance system of cross-border higher education and achieve continuous quality improvement in the implementation process of cross-border higher education.

2. COMPREHENSIVE QUALITY MANAGEMENT (TOTAL QUALITY MANAGEMENT, TQM): THEORETICAL FRAMEWORK

(1) Quality and higher education quality assurance

Quality is defined differently by different scholars, and these definitions do not help because they must be individual-related, often associated with design excellence (design excellence)^[13]. For a product, excellent quality means zero blemishes and durability. For education, quality reflects the service state and service level. For example, the excellent quality provided by administrative personnel is high efficiency and zero error, and the excellent quality provided by teachers is the high efficiency and effectiveness of knowledge transmission. Therefore, when we discuss quality, we should distinguish its objects, and different objects have different quality demands. Overall, quality is a measurable action based on clear goals rather than experience or opinion, and superior quality means «consistent with demand»^[14]. The most commonly used dimensions in quality management are leadership, personnel management, planning, information and analysis, process management, supplier management, focusing on stakeholders, and design^[15].

Quality assurance of higher education refers to the continuous evaluation process (assessment, supervision, guarantee, maintenance, and improvement). Quality assurance focuses on re-

sponsibility and improvement, providing information and identification through continuous processes and established standards, including internal quality assurance and external quality assurance^[16]. Currently, the international common use of the methods of quality assurance in higher education includes assessment, audit, certification, accreditation, and code of conduct^[9].

(2) Comprehensive quality management

TQM was a management method that originated in the 50s and was favored in the early 80s^[17]. There are many definitions of TQM, and scholars have defined TQM from different perspectives. Roosevelt believes TQM as a strategic structure to evaluate and optimize continuous improvement practices in all areas of business^[18]. Corrigan believes TQM as a management philosophy that builds a customer-oriented learning organization through continuous improvement in organizational and process efficiency and effectiveness^[19]. Kanji believes that TQM is a culture in which organizations achieve customer satisfaction through continuous improvement^[20]. Neves believes that TQM's principles include long-term, customer focus, highest management commitment, systematic thinking, providing quality training and tools, increased employee engagement, developing evaluation and reporting systems, improving management-employee communication, and continuous improvement^[21]. Chen believes that TQM performance mainly includes TQM cultural advice, customer relationship management, business relationship management, support activity planning, knowledge management, financial performance, and unique competitiveness^[22]. Bayraktar believes that the most attractive features of TQM are continuous learning in the creation, leadership, and flexibility in the environment, sharing of organizational goals, and the organization's processes that directly focus on customers^[23].

Some scholars have combined with previous studies, and summarized the key indicators and core elements of TQM. Houston summarizes several key concepts of TQM's philosophy^[24]. Bayraktar believes that the existing literature defines 12 aspects of TQM and continuous improvement projects: leadership commitment, TQM adoption, TQM communication, customer relationships, benchmarking, training, open organization, employee authorization, zero-defect thinking, flexible manufacturing, process improvement and evaluation^[23].

Although scholars have different perspectives on TQM, they all involve several key points: leadership, customers, process, continuous improvement, and full participation. In essence, TQM's main principle is to reduce or eliminate waste from systems or processes, which is the same in both manufacturing and service environments^[25]. An important point to implement TQM is «ecological balance», that is, factors should be balanced in all aspects, including structure, culture, human resources policies, and management methods, which must adapt to the external environment^[13].

3. CONSTRUCTION OF CROSS-BORDER HIGHER EDUCATION QUALITY ASSURANCE SYSTEM UNDER THE FRAMEWORK OF TQM ANALYSIS

On the basis of understanding the relevant concepts and main characteristics of TQM, this paper uses the analytical framework to construct the quality assurance system of cross-border higher education. The idea is as follows: Determine the terminology of TQM application in higher education, sort out the key points of TQM application in higher education, combine the characteristics of cross-border higher education, and develop a quality assurance system in line with the cross-border higher education.

(1) TQM is applied to the terminology in higher education

TQM was originally applied to the commercial field, therefore, the terms such as customers, suppliers, and others involved are different in higher education. Identifying terminology associations in two different domains helps to understand the composition and application of the TQM analysis framework. The specific meanings are shown in Table 1.

Table 1 – **The meanings between terms in TQM and vocabulary in higher education**

TQM	higher education
Client	Students, stakeholders (parents, the public)
Supplier	Educational service providers (universities, various educational institutions)
Lead	Senior managers (management level), teachers (teaching level)
Employees, employees	Teachers, teaching assistants and staff members engaged in higher education
Products and services	Students and social services
Waste	Lack of efficient allocation of educational resources

The effectiveness of educational quality depends on the correct cognition of college clients. Higher education has two main categories of clients, students, and other stakeholders, such as parents, business, society, etc^[26]. From the perspective of higher education clients, students are ranked first, followed by employers, society, teaching staff, and families^[27]. Suppliers are providers of education services, either in universities or in various educational institutions. The main task of leadership is to help people do a good job, and in educational institutions, the role of the teacher is considered a leader, not just a mentor^[28]. At the management level, leaders are senior managers at all levels, such as the government, educational management institutions, quality supervision and evaluation institutions, and higher education institutions. For employees, that is, people employed in educational services, such as teachers, staff, and staff also have dual identities, he is both an employee and an internal customer of the organization. Waste is a phenomenon of unreasonable use of resources. TQM in management emphasizes eliminating waste. Some scholars have defined eight kinds of waste in higher education: 1) uncoordinated teaching, tutoring, and testing; 2) Graduates cannot find jobs, lack lifelong learning ability; 3) Arrange no courses that students cannot pass; 4) The course does not contribute to the concept of customer value; 5) Poor planning and mistakes in teaching, coaching, and testing; 6) Poor planning; 7) Teachers 'and students' downstream activities have been waiting; 8) Curriculum design and support activities cannot meet the needs of customers inside and outside of higher education institutions^[17].

(2) Key points of TQM application in higher education

The comprehensive quality management of higher education involves eight aspects: students, teachers, curriculum, leadership, material potential, the relationship between colleges and the community, and the independence and diversity of colleges and universities. Among them, student satisfaction is a key factor in the success of higher education, and it must also be the focus of TQM practice^[29]. There are seven steps to implement TQM in universities: senior management commitment, clear communication channels, self-evaluation plan, teamwork and training, self-evaluation of understanding the selection process, and action plan^[25]. The educational standard applies seven

business standards, with the framework adapted to the needs of all organizations, also including educational organizations^[30]. Venkatraman has developed an analytical framework for TQM, including leadership and quality culture, continuous improvement and innovation in the educational process, employee engagement and development, rapid response and information management, customer-oriented quality, and internal and external partner development^[31].

(3) Construction of The Quality Assurance System for Cross-border Higher Education

Although cross-border higher education belongs to the category of higher education, it has its uniqueness. First, cross-border higher education involves more stakeholders. It includes not only regular domestic stakeholders (government, higher education institutions, students, teachers, social public, etc.) but also foreign stakeholders. Second, the environment of cross-border higher education is more complex. Cross-border higher education should comply with the bilateral or multilateral national policies and regulations of cooperation, and its implementation should be consistent with the country's political, economic, and cultural development needs. Finally, the quality assurance requirements are higher. As cross-border higher education involves a wide range and has many links, if the quality assurance mechanism is not sound and the certification institutions are not professional, various serious problems will appear, which will not only affect the teaching effect and reduce customer satisfaction but also affect the reputation of higher education institutions in the world.

Based on the above analysis, this paper constructs a cross-border higher education quality assurance system based on TQM. The quality assurance analysis framework includes six modules: international environment and relationship, customer satisfaction, full participation, process management, continuous quality improvement, and excellent quality. It covers not only the key points of TQM application in higher education but also highlights the characteristics of cross-border higher education. The quality assurance system is a closed loop, from the core goal as the starting point, combined with the international environment, through full participation in PDCA to achieve continuous quality improvement, form excellent quality, and then return to the foothold of customer satisfaction.

① International environment and relations

This module defines the environment of the organization and its relationship with the environment. As mentioned above, cross-border higher education adapts to the international environment and achieves a balanced state, so it is very important to understand the environment of the organization. These environments include the political, economic, and cultural environments. Organizations can determine the feasibility of conducting cross-border education by analyzing the environment.

② Customer satisfaction

Customer satisfaction is the most important and most mentioned dimension of all TQM applications. Customers include all stakeholders, and the core goal of providing cross-border higher education quality assurance is to focus on student satisfaction. From the macro cross-border higher education policy to the micro-teaching, facilities and services should be based on the needs of students, to meet the students' needs for knowledge, and improve their ability to participate in international competition. This is not only the starting point of the quality assurance system, but also the foothold. It should be noted that customers include both external customers and internal customers,

and internal customers are the teaching staff and educational service providers within the organization, namely, to meet the needs of both external customers and the needs of employees.

③ Full participation

Full participation is another important guarantee for the implementation of TQM, and the continuous improvement of quality depends on full participation. The full staff here includes not only administrators, and teachers, but also institutional policies and rules, as well as customers (students and other stakeholders). First, the quality assurance system takes customer satisfaction as the starting point and foothold, so the design of the education process should be based on it, and the customer is the source of full participation. Second, education providers are the implementers of quality assurance, so the personnel should perform their duties to implement the responsibility system. Finally, the policy formulation should not only take into account the international environment but also pay attention to the problems and challenges faced by education providers when implementing cross-border higher education. Full participation is the only way to achieve continuous quality improvement.

④ Process management

Process management is the core content of quality assurance. This paper uses the PDCA method (plan, do, check, action) to analyze the process management and quality results. If there is a good plan (P), the quality will continue to improve, then the necessary activities will complete the plan (D), and the results need to be tested (C). According to the results, the actions will be conducted (A) to improve the process^[32]. This is a cyclical process, the last round of action provides the basis for the next round of planning, the final effect is continuous quality improvement, and finally the formation of quality excellence.

The plan mainly includes the macro level (government policy, framework, code of conduct) and the micro level (strategic plan, leadership). Special emphasis is placed on cross-border higher education, so plans should fully consider that a country is both an exporter and an importer of education. An effective plan is the guarantee of the realization of goals, and effectiveness refers to the plan being targeted, operable, and guiding. The plan should clearly explain the provided teaching quality, resource allocation, teaching mode, students' accessible ability, academic certification, and other issues, and universities should ensure consistency between the quality of cross-border education and the quality of domestic institutions. Leadership is one of the key elements in TQM practice. One of the main reasons for TQM implementation failure is their low commitment and lack of leadership. Leadership commitment refers to the understanding and support of senior managers for TQM implementation. Leaders should realize the importance of TQM, understand the implementation principle of TQM, clarify the need for full participation, and realize that continuous quality improvement is the result of long-term efforts.

Check is the verification and evaluation of the implementation results. In cross-border higher education, inspection is a process of reviewing and evaluating education quality including internal security and external security. Internal security is a process of self-examination and an important part of the quality assurance of cross-border higher education. Internal security is the process of self-evaluation and self-examination in colleges and universities, which involves the supervision and management of the teaching process by senior leaders, various committees (academic committee, teaching committee, quality supervision committee), and other departments. External safeguards include evaluation, quality certification, accreditation, and benchmarking. External eval-

uation is the collection of data and information on the core activities^[16]. In addition to the evaluation conducted by special institutions, there are also some organizations ranking world universities, which is also a reflection of the quality evaluation of cross-border higher education. Quality certification and accreditation are both the results of quality assurance, and more and more countries are beginning to seek accreditation to attract students from all over the world. Both internal and external inspections are carried out by the relevant regulations, agreements, and guidelines formulated by the World Organization or various countries and regions. It can be seen that the formulation of norms and standards is the premise of realizing quality assurance, and the practice of these norms is the key to ensure the operation of the quality assurance system. Benchmarking is a measure of best practices^[16]. Benchmarking has also become a way of external quality assurance, through learning, to optimize the process of cross-border higher education and achieve the purpose of quality excellence.

Action is to correct and improve the problems after the inspection. Actions mainly include communication, teamwork, information sharing, and responsibility systems. Communication enables all personnel involved in the quality system to achieve information communication and share quality objectives. Teamwork is to maximize the interests of the organization. Information sharing is the result of communication and an important way to make information transparent and full participation. The responsibility system is the responsibility distribution of inspection results, and the clear division of responsibilities contributes to the achievement of organizational goals. Through the link of action, the occurrence and existing problems in the internal inspection and external inspection are sorted out, and the information is shared within the scope of all staff. Through clear responsibility and teamwork, the quality problems are corrected, and then enter a new round of planning.

Continuous quality improvement is the process of continuous quality improvement. It is achieved by full participation in PDCA, and thus achieves optimal quality results and quality excellence.

Quality excellence is the final result of continuous quality improvement. After repeated PDCA, continuous improvement can be achieved. The implementation process can be accomplished by eliminating waste, improving customer satisfaction, cultural construction, and optimal implementation. As mentioned above, waste is the lack of reasonable allocation of educational resources, which leads to low efficiency and high costs. Therefore, in the operation of quality assurance, the first step should eliminate various waste behaviors. The elimination of waste will increase customer satisfaction, and then gain a higher social reputation. TQM culture has been continuously established, which permeates full participation and continuous quality improvement into every level of education, promotes the application of TQM in cross-border higher education, and improves the quality of cross-border higher education. Best practice is the process and mechanism to achieve the optimal practice results, which promotes the continuous upgrading of the quality level, and eventually the formation of the quality of excellence, back to the core goal of customer satisfaction.

4. CONCLUSION

This paper tries to construct a cross-border higher education quality assurance system based on TQM, which consists of six modules: international environment and relationship, customer satisfaction, full participation, process management, continuous quality improvement, and excellent quality. Customer satisfaction is the starting point, with PDCA as the quality assurance tool,

through full participation and process management, to achieve continuous quality improvement and quality excellence. This analytical framework is a new attempt to apply TQM to cross-border higher education, but there are also some research shortcomings. First, this framework is only a theoretical discussion, and whether it is scientific in practice needs to be further verified. Second, the cross-border higher education system is complex, and the situation of each country and each project is completely different. Therefore, the framework only analyzes the overall situation, but not the actual situation of a certain country, and the actual situation of the country should be considered.

REFERENCE

- [1] Yoshida K., Yuki T., Sakata N. Institutional development of cross-border higher education-the case of an evolving Malaysia-Japan project[R]. JICA Research Institute, 2013.
- [2] Bohm A., Davis D., Meares D., et al. Global student mobility 2025: Forecasts of the global demand for international higher education [M]. Canberra: IDP Education, 2002.
- [3] Xu X, Kan Y. Cross-border higher education in China in the globalized world: The perspective of the World Trade Organization's General Agreement on Trade in Services [J]. Kedi Journal of Educational Policy, 2013, 10 (2): 199–220.
- [4] Vincent-Lancrin S., Pfotenhauer S. Guidelines for quality provision in cross-border higher education: where do we stand? [R]. 2012.
- [5] OECD. Cross-border Tertiary Education: A Way Towards Capacity Development [M]. Paris: OECD, 2007.
- [6] Knight J. Cross-border higher education-Issues and implications for quality assurance [J]. Higher Education in The World, 2007: 134–146.
- [7] Xue W. Exploring and learning from new models of regional cross-border higher education co-operation-takes the Barents sea cross-border university as an example [J]. Comparative Education Research, 2016 (12): 22–30.
- [8] Ye Lin. «implementation guidelines»: an effective tool for the quality assurance of transnational degree programs [J]. Research in Higher Education, 2011 (06): 103–109.
- [9] Yang L. British transnational higher education quality assurance system exploration [D]. Xiamen University, 2009.
- [10] Huang J, Zhang C. Exploring quality assurance strategies in Australian transnational higher education[J]. Higher Education Exploration, 2008 (06): 70–73.
- [11] Kosmuetzky A., Putty R. Transcending borders and traversing boundaries: a systematic review of the literature on transnational, offshore, cross-Border, and borderless higher education [J]. Journal of Studies in International Education, 2016, 20 (1SI): 8–33.
- [12] China Youth Daily China has now become the world's largest cross-border education resource country [EB / OL]. [2017.12.9]. http://www.edu.cn/zhong_guo_jiao_yu/guo_ji_he_zuo/dong_tai/201505/t20150513_1258250.shtml.
- [13] Taylor A, Hill F M. Implementing TQM in higher education [J]. International Journal of Educational Management, 1992, 6 (4): 5-10.
- [14] Crosby P. B. Quality is free: The art of making quality certain [M]. New York: Mc Graw Hill, 1979.

- [15] Sila I., Ebrahimpour M. Examination and comparison of the critical factors of total quality[J]. *International Journal of Production Research*, 2003, 41 (2): 235–268.
- [16] Vlăscescu L., Grünberg L., Pârlea D. quality assurance and accreditation: a glossary of basic terms and definitions[M]. Bucharest: UNESCO, 2004.
- [17] Sunder V. M. Constructs of quality in higher education services [J]. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2016, 65 (8): 1091–1111.
- [18] Roosevelt B. Quality and business practices: essential ingredients for success [J]. *Quality Progress*, 1995, 28: 35–40.
- [19] Corrigan J. The Art of TQM[J]. *Quality Progress*, 1995, 28: 61–64.
- [20] Kanji G. K., Wallace W. Business excellence through customer satisfaction [J]. *Total Quality Management*, 2000, 11 (7): 979–998.
- [21] Neves J. S., Nakhai B. The Baldrige award framework for teaching total quality management [J]. *Journal of Education for Business*, 1993, 69 (2): 121–125.
- [22] Chen I. A revised Inno-Qual performance system for higher education: the integrated applications of DEMATEL and ANP[J]. *Journal of The Operational Research Society*, 2012, 63 (4): 478–488.
- [23] Bayraktar E., Tatoglu E., Zaim S. An instrument for measuring the critical factors of TQM in Turkish higher education [J]. *Total Quality Management & Business Excellence*, 2008, 19 (6): 551–574.
- [24] Houston A., Dockstader S. L. A total quality management process improvement model[R]. San Diego, California: Navy Personnel Research and Development Center, 1988.
- [25] Kruger D., Ramdass K. establishing a quality culture in higher education: a South African perspective [J]. 2011 Proceedings PICMET 11: Technology Management In The Energy-Smart World (PICMET), 2011.
- [26] Al-Bashir A. Applying total quality management tools using QFD at higher education institutions in Gulf area (Case Study: ALHOSN University) [J]. *International Journal of Production Management and Engineering*, 2016, 4 (2): 87–98.
- [27] Owlia M. S., Aspinwall E. M. TQM in higher education – a review [J]. 1997, 14 (5): 527–543.
- [28] Stensaasen S. The application of Deming's theory of TQM to achieve continuous improvement in education [J]. *Total Quality Management*, 1995, 6 (5): 579–592.
- [29] Salameh R. S., Alzyadat M. A., Alnsour J. A. Implementation of (TQM) in the faculty of planning & management at Al-Balqa Applied University [J]. *International Journal of Business and Management*, 2011, 6 (3): 194–207.
- [30] 2006 Education criteria for performance excellence [R]. Baldrige National Quality Program, 2006.
- [31] Venkatraman S. A framework for implementing TQM in higher education programs [J]. *Quality Assurance in Education*, 2007, 15 (1): 92–112.
- [32] Chen S. The establishment of a quality management system for the higher education industry [J]. *Quality & Quantity*, 2012, 46 (4): 1279–1296.

Информация об авторах

Янь Лю, доктор менеджмента, профессор Школы менеджмента Чанчуньского университета, Чанчунь, Китай, 130022, liuy79@ccu.edu.cn

Цян Тянь, магистр, преподаватель Бизнес-школы Яньтайского университета Наньшань, Яньтай, Китай, 265700.

Information about Authors

Yan Liu, Doctor of Management, professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China, liuy79@ccu.edu.cn.

Qiang Tian, master, lecturer of Business School of Yantai Nanshan University, Yantai, China.

Для цитирования: Янь Лю, Цян Тянь Создание трансграничной системы обеспечения качества высшего образования: теоретическая основа TQM // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 24–35. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

Citation: Yan Liu, Qiang Tian Construction of Cross-border Higher Education Quality Assurance System: The Theoretical Framework of TQM // Paradigms of Management, Economics and Law. 2024. № 3 (13). pp. 24–35. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИКА ТРУДА

LABOR ECONOMICS

УДК 314.93

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ БАЗ ДАННЫХ РЫНКА ТРУДА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ И ЦИФРОВЫХ ТРАЕКТОРИЙ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ*

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета экономической политики и развития Волгоградской области по гранту № 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

Аннотация. Введение. Дефицитность рынка труда, новые явления, связанные со сменой технологического уклада, обуславливают необходимость расширения направлений его исследования. Цель работы – оценка гипотезы о различиях поведения на рынке труда лиц, относящихся к различным поколениям и целесообразности расширения использования поколенческих группировок при формировании баз данных о занятости населения. **Материалы и методы.** Данные официальной статистики и специализированных организаций (социологических и рекрутинговых агентств) конца 2023 – начала 2024 годов. Методы исследования общенаучные и статистические. **Результаты и обсуждения.** Были обоснованы критерии проведения сравнительного анализа баз данных рынка труда: поколенческая классификация и дополнение традиционных форм занятости цифровыми. Особенности базы данных Росстата: аккумулируются по традиционной и платформенной занятости, в том числе по ряду позиций в разрезе возрастных групп. Выявлены отличия траекторий поведения индивидов разных поколений. В базах данных специализированных организаций возможностей проведения поколенческого анализа меньше по оценке числа занятых. Преимущественное внимание уделяется заинтересованности в использовании определенных инструментов на рынке труда, среди цифровых форм занятости удаленной работе. Проанализированные российские базы данных имеют общемировые преимущества и недостатки, определяемые современным уровнем развития общества. Основной – недостаточная точность оценки платформенной занятости. **Выводы и рекомендации.** Гипотеза о различиях поведения на рынке труда лиц, относящихся к различным поколениям, в ходе анализа получила подтверждение. Это позволяет

говорить о целесообразности расширения использования поколенческих группировок при формировании баз данных о занятости населения. Предлагается разработать рекомендуемые для использования при проведении исследований группировки респондентов. Это позволит расширить сопоставимость информации и принятие более гармоничных управленческих решений.

Ключевые слова: рынок труда, теория поколений, цифровая занятость, обследование рабочей силы, базы данных рабочей силы.

UDC 314.93

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN LABOR MARKET DATABASES TO IDENTIFY GENERATIONAL AND DIGITAL TRAJECTORIES OF POPULATION BEHAVIOR*

Tat'jana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

*The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and the Committee for Economic Policy and Development of the Volgograd Region under grant No. 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

Abstract. Introduction. The scarcity of the labor market, new phenomena associated with the change of technological structure, necessitate the expansion of its research directions. The purpose of the work is to evaluate the hypothesis of differences in the behavior of persons belonging to different generations in the labor market and the expediency of expanding the use of generational groupings in the formation of employment databases. **Materials and methods.** Data from official statistics and specialized organizations (sociological and recruiting agencies) from the end of 2023 to the beginning of 2024. The research methods are general scientific and statistical. **Results and discussions.** Results and discussions. The criteria for conducting a comparative analysis of labor market databases were substantiated: generational classification and the addition of traditional forms of employment with digital ones. Features of the Rosstat database: they are accumulated by traditional and platform employment, including a number of positions by age groups. Differences in the trajectories of behavior of individuals of different generations are revealed. In the databases of specialized organizations, there are fewer opportunities for generational analysis in terms of the number of employees. Primary attention is paid to the interest in using certain tools in the labor market, among digital forms of employment, remote work. The analyzed Russian databases have global advantages and disadvantages determined by the current level of development of society. The main one is the insufficient accuracy of the assessment of platform employment. **Conclusions and recommendations.** The hypothesis of differences in the behavior of persons belonging to different generations in the labor market was confirmed during the analysis. This makes it possible to talk about the expediency of expanding the use of generational groupings in the formation of employment databases. It is proposed to develop groups of respondents recommended for use in con-

ducting research. This will expand the comparability of information and make more harmonious management decisions.

Keywords: labor market, generational theory, digital employment, labor force survey, labor force databases.

Введение. Одной из существенных проблем постиндустриального общества является сокращение численности трудоспособного населения и дефицит кадров. Хотя число проживающих на планете и превышает по данным ООН 8 млрд. чел., но темпы роста жителей сокращаются и в настоящее время составляют менее 1 %.

В долгосрочном плане появление новых технологий – искусственного интеллекта, роботизации, нейросетей – создадут предпосылки для сокращения потребности в рабочей силе. В краткосрочном периоде цифровизация ведет к изменениям рынка труда, которые усиливают дефицитность кадров в традиционных секторах занятости, так как с появлением таких форм как дистанционная и платформенная формируются новые модели трудового поведения. Это вызывает необходимость разработки новых подходов к исследованиям рынка труда и, следовательно, оценку достаточности для этого информации, формируемой в настоящее время.

Научной проблемой, на решение которой направлено данное исследование, является сравнительный анализ российских баз данных для выявления поколенческих поведенческих траекторий различий населения в условиях цифровизации экономики. Акцент на поколенческих характеристиках сделан в связи с широко распространившимся в настоящее время изучением возрастных особенностей индивидов, объясняющих их рефлекссию на различные общественные события. Проведена оценка гипотезы о различиях поведения на рынке труда лиц, относящихся к различным поколениям и целесообразности расширения использования поколенческих группировок при формировании баз данных о занятости населения. Для её проверки были решены задачи: 1) определены критерии сравнительного анализа баз данных рынка труда, исходя из стадий жизненного цикла индивидов и форм занятости в условиях цифровизации экономики, 2) проанализированы базы данных Росстата и специализированных организаций по возможностям применения поколенческого подхода и цифровых форм занятости, 3) проведен их сравнительный анализ, сформулированы выводы и рекомендации.

Материалы и методы. Материалами исследования стали данные официальной статистики и специализированных организаций (социологических исследований, рекрутинговых агентств). В связи с высокой изменчивостью состояния рынка труда, были изучены данные конца 2023 – начала 2024 годов. Методы исследования: анализ (выявление теоретических подходов, специфики баз данных), группировки и обработка статистических рядов (преобразование информации баз данных в соответствии с введенными группированными признаками), сравнение полученных результатов, синтез (формулировка предложений и рекомендаций).

Результаты и обсуждения. *Определение критериев сравнительного анализа баз данных рынка труда. Теоретические подходы к формированию группировок, определяющих периодизацию жизненного цикла индивида.* На индивидуальном уровне основы поведенческой траектории зависят от стадии жизненного цикла личности, определяемой физиологическими качествами человека. Наиболее известной является периодизация, предложенная

Э. Эриксоном [24]: младенчество (до года), раннее детство (1–3 года), дошкольный возраст (3–6 лет), школьный возраст (6–12), юность (12–19), начало взрослого возраста (20–25), взрослый возраст (26–64), зрелый (65 лет – смерть).

В теории поколений исследуются отличия в форме реализации этих стадий. Н. Хоув и В. Штраус выделили поколения молчаливых (1925–1944 годы рождения), бэби – бумеров (1944–1967), поколение X (1967–1984), Y (миллениумы, 1984–2000), Z (2000–2015), в том числе с 2011 года поколение α. В. В. Радаев [18, 19, 20] с учетом времени взросления при наступлении исторически значимых для России событий незначительно сместил годы периодизации поколений, выделив: мобилизационное поколение (рождение до 1938 года), оттепели (1939–1946) и застоя (1947–1967), что в приведенной выше классификации соответствует беби-бумерам, реформенное (1968–1981) – поколение X, миллениалов (1982–2000), поколение Z (2001 и младше). Кроме того, миллениалы разделены на 2 группы – старшие (1982–1990 года рождения) и младшие (1991–2000, группа 3С – смартфоны, социальные сети, спад экономики).

В настоящее время точка зрения об устойчивости межпоколенных различий на основе указанных, а также иных исследований, является преобладающей. Выделены их специфические черты. Так, в работах В. В. Радаева [18; 19; 20], по мнению Н. В. Богачев, Е. В. Сивак, отличия миллениалов от более старших поколений состоят в сокращении потребления алкоголя и табака, росте частоты использования интернета, в том числе для онлайн покупок, активность в социальных сетях, более поздние сроки рождения детей, выхода на рынок труда, чему способствует увеличение срока обучения. Они ориентированы на быстрый материальный, профессиональный успех, используя различные возможности для его достижения, готовы для этого к частой смене места работы или профессии. При этом в ряде аналитических материалов обосновывается, что эти различия начинают проявляться в более старшем, трудоспособном возрасте, а, например, для подростков не характерны [4].

В серии книг по теории поколений выявлены следующие поколенческие черты [9, 10, 11, 12], полученные при исследованиях в России:

- беби-бумеры – трудоголики (живут, чтобы работать), важны рабочая этика, продвижение по карьерной лестнице, стабильность, склонны к работе в команде, заинтересованы в получении материального вознаграждения, раннее создание семьи, всплеск рождаемости, предпочитают поколение Y для передачи дел по сравнению с поколением X, ценности – наличие команды, большие цели, успех, долгосрочные планы, вовлеченность, статус;

- поколение X – прагматики, индивидуалисты, важно материальное вознаграждение, эгоистичны, ценности – профессионализм, уникальность, свобода, равноправие, неформальность, склонность к изменениям как стилю жизни, ответственность, личное общение;

- миллениумы – ценности – позитивный настрой, влиять на изменения в стране, современность, визуальные качества, публичный успех, партнерство, быть на связи в сети, поддерживать экологичность;

- поколение Z (хоумлендеры) – исследовательские качества, стремление к творчеству и искусству, ЗОЖ, безопасность (готовы для её достижения к росту общественного контроля), комфортная среда, значимость семьи, разнообразие, любимое дело, культура еды и вкуса.

И. Шебураков [23] общими чертами поколений Y и Z называет ценность свободы, самостоятельность, высокую креативность, отсутствие авторитетов, гедонизм, эгоизм, малый горизонт планирования. Последнее наиболее характерно для Z, которым менее важен комфорт и финансовое благополучие. Обратной стороной медали, чертами, которые воспринимаются негативно, можно считать отсутствие для них авторитетов, эгоизм и гедонизм (особенно для поколения Z), малый горизонт планирования. Для Z значительно менее важен комфорт и финансовое благополучие, для Y – добиться успеха любой ценой. В 2024 году у представителей поколения Y и Z проявляется тип поведения, названный гостинг, обусловленный отсутствием стремления построить карьеру в одной организации, что было свойственно старшему поколению, и, как следствие, пренебрежительное отношение к увольнению. Стимулом смены работодателя для молодежи может стать даже не большая оплата труда, а переход в коллектив с более приемлемой для него организационной культурой.

Индивидуальные и групповые особенности развития индивида формируют его карьерные траектории. В статье Ю. И. Поваренкова [16] проводится обзор существующих подходов к их периодизации:

– Д. Сьюпера – пробуждение (до 14 лет), исследование (15–24), консолидация (25–44), сохранение (45–64), спад;

– Д. И. Завалишиной, осуществившей периодизацию по трудовому стажу – адаптации (до 5 лет), идентификации (до 10 лет), выбор способа существования в профессии (10–15 лет);

– К. А. Марковой – допрофессионализм, профессионализм, супер- (творчество, смежные профессии, самопроектирование себя как личности), не/после профессионализм;

– Е. А. Климова, который к собственно профессиональному развитию относит этапы оптации (11–18 лет), профессиональной подготовки (15–23), адаптации, интернала (фазы мастерства, авторитета, наставника).

Как видим, профессиональная периодизация основывается на возрастной, предполагая наращивание компетенций. Хотя возможно и обратное движение, что видно по появлению такой стадии как непрофессионализм, под которым понимается низкая продуктивность профессиональной деятельности.

Рынок труда со стороны предложения рабочей силы характеризуется одновременным существованием представителей различных поколений, находящихся на разных стадиях карьерной траектории. Их сдвиги во времени ведут к изменениям ожиданий работников от предложений на рынке труда. Условно временное движение поколений по карьерной траектории показано в таблице 1.

Табл. 1 – Временное движение поколений беби-бумеров, X, Y, Z по карьерной траектории

Год	Стадия карьерной траектории по Д. Сьюперу		
	исследование	сохранение	спад
2014	X	Y + беби-бумеры	беби-бумеры, молчаливые
2024	Z + X	X + Y	беби-бумеры
Источник: разработано автором.			

Выбор конкретного направления занятости объясняется теориями карьерного консультирования [7]:

- Дж. Холланда – выявление профессиональных интересов индивида и подбор для него в соответствии с этим сферы деятельности;
- Д. Стьюпера – Я-индивид анализирует Я-концепции и выбирает на основе этого роли, которые хотел бы выполнять с учетом профессиональных мини-циклов и при комплексном учете всех качеств человека;
- теория адаптации к работе – оцениваются требования работника и работодателя, их соответствие друг другу;
- Л. Готтфредсона – исключение неподходящих альтернатив, выбор из оставшихся и компромисс из возможных вариантов для принятия окончательного решения;
- А. Бандура – карьерный выбор осуществляется на основе представления индивида о своих способностях (самоэффективности), ожидаемых результатов, личных целей;
- контекстуальное объяснение карьеры как определяемой поведением и предыдущей историей развития индивида;
- конструктивизм – конструирование карьеры, исходя из взаимодействия с внешней средой;
- теория активного вовлечения – используется колесо карьерных опций (возможности, опыт, образование, ценности, интересы, навыки, личное окружение);
- рамка теории систем – путем фиксации качеств работника в схеме системы индивида, включающей его различные характеристики в прошлом, настоящем и будущем;
- теория конструирования карьеры М. Савикаса – вписывание работы в жизнь с учетом ценностей, желаний, проблем;
- коренные карьерные теории – использование культурных традиций;
- трансакция «индивид – среда» – взаимодействие индивида для адаптации характеристик внешней среды (организации) в соответствии со своими ценностями;
- теория культурной подготовки – построение карьеры как глобального процесса с учетом культурной специфики конкретного сообщества.

Поколенческое карьерное поведение связано с ростом прекариарности. Общепринято мнение, что карьера беби-бумеров была линейной: получение к 25 годам образования, трудоустройство на стабильную работу, создание семьи и рождение детей [15]. Образовательно-карьерные траектории поколения Y [13] описываются как вариативные за счет различных способов совмещения работы и учебы: короткое обучение и работа (совмещается с работой), длительное обучение (не всегда совмещается с работой, возможен уход полностью на рынок труда, а затем вновь возврат к обучению), смешанный (транзитный – в высшее образование через СПО и прекарный – длительная временная занятость и различный срок обучения).

Анализ карьерных теорий показывает, что разработка поведенческой траектории конкретного индивида основывается на его психофизиологических особенностях, накопленных компетенциях, специфике ближнего окружения (дом, семья), потребностям и ценностям. Они определяют желаемую модель поведения на рынке труда, которая затем адаптируется под предложения, поступающие от работодателей. При появлении точек соприкосновения между ними, работник начинает реализовывать определенные трудовые функции, испытывая при этом большую или меньшую степень удовлетворенности трудом. Следствием этого мо-

жет стать лояльность к месту работы, под которой в широком смысле будем понимать систему жизнедеятельности, включающую в себя конкретное место трудоустройства и территорию проживания.

В целом, проведенный анализ теоретических подходов определения периодизации жизненного цикла индивида позволяет говорить о влиянии поколенческих отличий в каждой из них – жизненного, профессионального циклов, карьерной траектории.

Обоснование требований к базам данных для оценки занятости с учетом цифровизации экономики. Цифровизация экономики, развитие логистической инфраструктуры повышает вариативность трудоустройства. Под логистической инфраструктурой нами понимается комплекс юридических и материальных условий, создающих возможности мобильности рабочей силы – соотношения валютных курсов, наличие рабочих мест, миграционное законодательство, сфера гостеприимства и т.п. Все это приводит к повышению разнообразия каналов притоков и оттоков региональных трудовых ресурсов за счет использования не только оффлайн, но и он-лайн форм (рис.).

Рис. Пространственная конфигурация предложения трудовых ресурсов на региональном рынке труда в условиях цифровизации

Источник: разработано автором.

В настоящее время рынок труда претерпел существенные изменения. Он существует: 1) в традиционных формах, когда работник оформляется в штат работодателя; 2) в виде платформенной занятости, при которой сам выбирает время и объем работы, которую планирует выполнить, получая её через цифровую платформу; 3) в свободном фриланс режиме с самостоятельным поиском заказов (как правило, становясь самозанятыми или ИП без наемных работников); 4) за счет создания собственного предприятия или ИП с привлеченными сотрудниками. Каждая из этих форм, в свою очередь, тоже может реализовываться различ-

ным образом. Традиционная форма занятости осуществляется в офисе, дистанционно, в смешанном формате, в месте проживания работника или с выездом, то есть, вахтовым методом. Платформенный занятый может работать в контакте с заказчиком услуг (таксисты, курьеры) и/или дистанционно (репетиторы, копирайтеры, тестировщики). Для получения полного представления о процессах в сфере занятости целесообразно использовать группировки информации по всем существующим направлениям.

Характеристика базы данных Росстата для анализа рынка труда с учетом поколенческих поведенческих траекторий в цифровой экономике. В связи с повышением вариативности форм рынка труда инструменты его оценки совершенствуются. С 2021 года введена новая методология ОРС ЕС [2]. Среди изменений социальной статистики фиксирование страны рождения родителей, состояния здоровья, ограничений по сферам деятельности, периодичность измерений.

В России обследование рабочей силы (ОРС) в настоящее время проводится на основе приказов Росстата от 31.07.2023 № 360 (ред. от 11.01.2024) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» и от 29.12.2023 № 707 (ред. от 22.03.2024) «Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы». Обследования проводятся в течение недели ежемесячно во всех субъектах РФ для определения форм занятости и потенциальных возможностей привлечения населения к трудовой деятельности. В инструментарии используются критерии – базисный период неделя (для производства товаров в домашнем хозяйстве и оказания частных услуг также предусмотрен период в один месяц), получение дохода или прибыли, возраст от 15 лет и старше. В вариантах ответов заложены возможности указать ведение работы удаленно, вахтовым методом, через трудовые цифровые платформы.

В целом российский рынок труда по итогам ОРС на I квартал 2024 года характеризуется следующими данными:

- рабочая сила составляет 75645 тыс. чел., участие в рабочей силе 62,6 %, уровень занятости 60,6 %, безработицы – 2,7 %;
- основная часть работников (почти 77 %) проживают в городах, более 62 % имеют высшее и среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена;
- доля лиц с основной работой на предприятиях со статусом юридического лица 81,3 %, с предпринимательской деятельностью без образования юридического лица 6,5 %, по найму у физических лиц, ИП, в фермерских хозяйствах 11,5 %, в собственных домашних хозяйствах – 0,7 %;
- 93 % работников являются зависимыми, среди которых наемные составляют 96 % и работают преимущественно по постоянным трудовым договорам, получая заработную плату за отработанное время;
- среди 5151 тыс. чел. независимых работников (март 2024 года) доля работодателей 22,8 %, остальные – самозанятые;

– в неформальном секторе трудится 19,7 % общей численности занятых, для большей части которых эта работа является дополнительной подработкой.

Поколенческие характеристики занятости и безработицы приведены в таблице 2.

Табл. 2 – Поколенческие характеристики занятости и безработицы в России на 1 квартал 2024 года, в % ко всему занятому населению (за счет округления суммарные величины могут отличаться от 100 %)

Показатели	Итого	Поколения, в скобках – возрастная группа				
		α (15-19)	Z (20-29)	Y (30-39)	X (40-59)	Беби-бумеры (60 и старше)
Все занятое население						
Всего	100	0,47	13,71	29,15	48,56	8,11
Мужчин	49,8	0,29	7,66	15,18	23,65	4,42
Женщин	48,8	0,18	6,05	13,96	24,91	3,69
Цифровые формы занятости (дистанционная и платформенная)	5,90	0,04	1,11	2,12	2,55	0,24
Трудовая деятельность по производству товаров для собственного использования	10,75	0,26	0,68	1,54	4,19	4,08
Стажировки	0,08	0,04	0,04	0,00	0,00	н/д
Трудовая деятельность волонтеров	3,65	0,38	0,53	0,62	1,18	0,94
Доля безработных в общей численности занятых						
Всего	2,76	0,11	0,67	0,73	1,02	0,21
Мужчин	1,29	0,06	0,32	0,30	0,49	0,11
Женщин	1,47	0,05	0,35	0,43	0,53	0,10
Рабочая сила, относящаяся к категории трудящихся-мигрантов						
Всего	1,54	0,01	0,23	0,51	0,67	0,12
Занятые	1,48	0,01	0,22	0,50	0,64	0,12
Безработные	0,06	н/д	0,01	0,01	0,03	н/д
Источник: рассчитано автором по [6]						

В значениях большей части показателей преобладает доля поколения X, которое является наиболее многочисленным, так как включает больше возрастных групп. Значения по всем остальным, кроме стажировок, растут от поколения α к поколению X и снижаются для беби-бумеров. По полу доля занятых женщин превышает долю мужчин только после 40 лет, что можно объяснить взрослением детей. Но при этом доля безработных среди них выше.

В таблице 3 показана доля различных видов занятости, приведенных в таблице 1, среди работников соответствующего поколения. Доля лиц, использующих цифровые формы занятости, с возрастом сокращается. Поколения X и Y менее склонны заниматься производством товаров для собственного использования, Y и Z – волонтерством. Доля безработных мигрантов по возрастным группам растет, а безработных в целом для лиц трудоспособного возраста сокращается.

**Табл. 3 – Поколенческая распространенность различных видов занятости
и безработицы в России на 1 квартал 2024 года
(численность занятых в возрастной группе = 100 %, в %)**

Показатели	Поколения, в скобках – возрастная группа				
	α (15-19)	Z (20-29)	Y (30-39)	X (40-59)	Беби-бумеры (60 и старше)
Дистанционная занятость в целом	1,16	2,56	2,18	1,43	0,84
Дистанционная занятость все дни недели	0,97	0,98	0,71	0,40	0,34
Дистанционная занятость несколько дней в неделю	0,29	1,57	1,47	1,03	0,50
Платформенная занятость как основная работа	6,09	5,25	4,81	3,59	2,10
Платформенная занятость как подработка	0,58	0,32	0,30	0,22	0,06
Цифровые формы занятости (дистанционная и платформенная)	7,83	8,13	7,29	5,24	2,99
Трудовая деятельность по производству товаров для собственного использования	55,07	4,96	5,28	8,62	50,34
Стажировки	7,54	0,29	0,01	0,01	0,02
Трудовая деятельность волонтеров	81,16	3,88	2,12	2,44	11,55
Доля безработных	23,22	2,89	1,15	0,64	2,61
Доля трудящихся мигрантов	2,03	1,65	1,75	1,38	1,51
Доля занятых трудящихся мигрантов	2,03	1,55	1,71	1,32	1,43
Доля безработных трудящихся мигрантов	0,00	0,10	0,05	0,06	0,08
<i>Источник: рассчитано автором по [6]</i>					

Фрилансеры как отдельная группа работающих в ОРС не выделяется. Обобщая данные различных характеристик, свойственных фрилансерам, видно (цифры приведены в тыс. чел.: выполнение работ в своем жилом помещении – 1556, использование платформенной занятости как основной работы – 2860, дополнительной – 180, работа дистанционно все дни недели – 415, основная работа в неформальном секторе – 19), что их число не превышает 0,03 % занятого населения.

В целом цифровые формы трудоустройства, измеряемые в рамках ОРС Росстатом (данные 1 квартала 2024 года) характерны для 5,9 % занятых. Коэффициенты корреляции между долями в численности поколений, с одной стороны, безработных, а с другой, занятых на платформах как основным и дополнительным местом работы, равны соответственно -0,65 и -0,62. То есть, хотя безработица является существенным фактором, использования платформенной занятости, но полностью от неё не зависит.

Особенности ОРС Росстата: аккумулируются данные по традиционной и платформенной занятости, в том числе по ряду позиций в разрезе возрастных групп. Проведенный анализ показал не только существование возможностей поколенческого анализа специфики трудового поведения индивида, но и их отличия, которые целесообразно учитывать при разработке инструментов регулирования рынка труда.

Характеристика специализированных баз данных для анализа поколенческих поведенческих траекторий в цифровой экономике. Поведение населения на рынке труда в последние годы изучается не только социологическими агентствами. Организации, предоставляющие рекрутинговые услуги, на основе собственных больших данных также проводят их обобщения, выявляют направления изменений. Для анализа были выбраны исследовательские базы Работа.ру, Хантер и ВЦИОМ как субъекты хозяйственной деятельности, постоянно присутствующие в медийном пространстве.

Анализ материалов сервиса Работа.ру [17] за апрель – июль 2024 года позволил выделить следующие траектории трудового поведения (в скобках указана доля от числа опрошенных в соответствующем исследовании):

- готовность переехать в другой город при наличии подходящей работы (42), в том числе в возрасте 35–39 лет – 19, 55 и старше – 16;

- подработка (73), в том числе как основной заработок (9), требования: удобный график (60), возможность удаленной работы (56), близость к дому (30), стабильность (28), хороший коллектив (21), хороший начальник (21), выплаты каждый день или за смену (21), официальное оформление (18), отсутствие дресс-кода (18) и требований к специальным навыкам (13), каналы поиска: друзья и знакомые (55), сайты по поиску работы (54), группы и чаты в мессенджерах (20), специальные сайты по поиску подработки и для самозанятых, лучшие города для подработки Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Казань, Краснодар;

- открытие собственного дела (52), в том числе в текущем году 19, ближайшие 3 года – 19, в ближайшее время – 14, уже имеют – 3;

- отношение к удаленной работе: работают в офисе (64), в гибридном формате (23), полностью удаленно (13), не испытывают отрицательных эмоций (73);

- отношение к социальным отчислениям (предпочтительные источники доходов в старшем возрасте): пенсии от государства (64), подработки (53), вклады (35), доход от сдачи в аренду имущества и земли (28), доход от собственного бизнеса (17), НПФ (13), пенсия от работодателя (12), доход от инвестиционного портфеля (11), накопления в валюте (8), в том числе Z – доход от бизнеса (36) и инвестиционного портфеля (22), Y – диверсифицированные, все возможные инструменты, в том числе НПФ (17), иксы – пенсии от работодателя (16) и НПФ (19) размер пенсии: 70–100 тыс. руб. – все возрасты (30), зумеры (42), свыше 100 тыс. руб. – зумеры (56), миллениалы (71), иксы (58). Степень консервативности стратегии с возрастом растет;

- развитие отношений с самозанятыми по оценкам работодателей связано с ростом числа независимых сотрудников (41), привлечения их бизнесом как внештатных специалистов (34), расширение платформенной занятости (26); с самозанятыми работают 40 % представителей бизнеса, преимущественно микро (58), средний (50), привлекая их для решения разовых и непрофильных задач, при нехватке кадров, на сезонные работы; планируют привлекать самозанятых (18), не планируют (42) – преимущественно крупный бизнес (62) и малый (41).

Сервис HH.ru [3] дает возможность косвенного анализа поведенческих траекторий, исходя из предложений работодателей, стремящихся привлечь работников. Анализ за апрель – февраль 2024 года позволяет выделить следующие подходы к привлечению рабочей силы:

- молодые специалисты (14–24 года) при уровне безработицы по данным Росстата 7,4 % на II квартал 2024 года и hh.индексе 6,5 – гибкий график, стажировка, удаленная работа, отсутствие требований к опыту работы; сферы с более высокой долей вакансий для молодых специалистов от общего числа созданных в ней вакансий: административный персонал (22), розничная торговля (19), домашний, обслуживающий персонал (15); по типу занятости – растет число вакансий на полный рабочий день и вахтовым методом, снижается – с гибким и сменным графиками, удаленная работа; наибольшее число вакансий с полной занятостью – продавец (18), менеджер по продажам (8), официант (5), с частичной – продавец (20), курьер (17), водитель (7); требуемые навыки: пользователь ПК, работа в команде;

- ожидаемые заработные платы руб/мес по возрастам: 17 и младше – 26800, 18-24 – 49900, 25-34 – 71800, 35-44 – 79300, 45-54 – 75000, 55 и старше – 64900;

- траектории поведения самозанятых (на сайте HH.ru указано, что исследование проведено Ventra Go!): ушли из найма 64,4 % опрошенных по причинам заинтересованность в работе на себя 38 %, из-за недовольства графиком работы 31, оплатой 30; зарегистрировались как самозанятые 34 % совмещающих подработку и работу в штате, 43,5 из-за потребности в дополнительном доходе; причины роста числа самозанятых – удобство входа, снижения – дефицит кадров в традиционном секторе, превышение порога дохода из-за чего перерегистрировались как ИП, доля приглашений кандидатов в возрасте 19–30 лет и 31–40 снизилась в пользу других возрастов;

- доля вакансий вахтовым методом во 2 и 3 кварталах 2023 года выросла, в 1 кварталах 2022, 2023 и 2024 годов по сравнению с изменениями остальных показателей стабильна, в ТОП-20 по доле вакансий с вахтовым методом работы находятся сибирские и дальневосточные регионы, больше всего вахтовиков среди представителей поколения X (таблица 4).

Табл. 4 – Резюме, созданные и/или обновленные в 1 квартале 2024 года, по работе на вахте в разрезе поколений

Показатели	Поколения, в скобках – возрастная группа				
	α (15-19)	Z (20-29)	Y (30-39)	X (40-59)	Беби-бумеры (60 и старше)
Доля возрастной группы от общего числа резюме	6	21	21	29	11
Доля возрастной группы от общего числа резюме с вахтой	1	22	36	40	2
Доля «вахтовиков» в возрастной группе	0,5	6,3	10,2	24,6	10,3
Источник: составлено автором по [21]					

- тенденции опроса 2023 года (публикация февраль 2024 года): молодые люди с невысокой квалификацией склонны чаще менять работу, поколение в возрасте старше 40 лет работает всю жизнь в рыночной экономике и на современных технологиях;

- заинтересованность в удаленной работе для российских граждан, уехавших за рубеж: в другие страны выросла с января 2021 по январь 2024 год до 344200 чел., в 5,14 раза, в ближнее зарубежье (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Латвия, Таджикистан, Эстония) до 181066 чел., в 8 раз;

- имеют подработку в 2021–2024 году (2,3 квартал) в среднем 8 % опрошенных, обязательно или скорее всего собираются искать подработку в течение ближайших 3 месяцев в 1 квартале 2021 года 50 %, в 2024 – 45, наибольшее желание высказывают жители Южного и Северо-Кавказского округа.

Поведенческие траектории позволяют выделить и опросы ВЦИОМ. В 2022 году [22] сменить место работы хотели бы 11 % (в возрасте 18–24 года эта доля выше – 18 %), ожидают, что при потере работы найдут равноценную 56 % (в возрасте 18–24 года – 69 %, 25–34 – 68 %, старшее поколение – 37 %). Среди тех, кто ожидает трудности с новым трудоустройством больше женщин, чем мужчин (21 и 12 % соответственно) и жителей сел по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом (22 и 12 %). В 2023 году рынок труда стал характеризоваться как время соискателя. В связи с распространенностью подработок фактически классическое обучение в вузе идет первые 2 года, потом нарабатывается опыт профессиональной деятельности, для которого подработки курьером, продавцом, официантом значения не имеют. Легко совмещают работу и учебу 26 % опрошенных, для такого же числа совмещение невозможно, остальные – подрабатывают.

Сопоставление динамики результатов опросов ВЦИОМ об удовлетворенности работой, проводимых с 2004 года, позволяют говорить об изменении поведенческих траекторий [8]:

- рост доли лиц, удовлетворенных работой, что более свойственно при лучшем материальном положении, наличии высшего образования и возрасте 18–24 года;

- изменились факторы выбора работы: 1) наиболее значимые изменения: заработная плата (в 2024 году её указали 50 % опрошенных, ранее, с 2004 года, 74 %), удобный график работы (31 и 21 соответственно), хорошие отношения с коллективом и начальством (17 и 6); 2) практически стабильная оценка значимости – наличия социального пакета, хорошие условия труда, официальное трудоустройство;

- приоритеты факторов выбора работы: заработная плата, удобный режим и график, возможность профессиональной самореализации, базовый социальный пакет, хорошие условия труда.

Распределение вариантов ответов по возрастам приведено в таблице 5.

Табл. 5 – Удовлетворенность работой и факторы принятия решений о трудоустройстве

Показатели	Возраст				
	18-24	25-34	35-44	45-59	60 и старше
Удовлетворенность работой, % от работающих					
Вполне удовлетворен	58	49	49	45	45
Скорее удовлетворен	32	38	38	37	32
Скорее не удовлетворен	3	9	8	11	15
Совершенно не удовлетворен	7	4	5	5	5
Затрудняюсь ответить	0	0	0	2	3
Наиболее важные факторы при трудоустройстве, % ко всем опрошенным					
Заработная плата	53	67	57	55	31
Удобство режима работы, места нахождения	34	31	42	30	23
Возможность самореализации	48	44	29	25	17
Базовые социальные гарантии	25	27	26	33	21
Хорошие условия труда	22	20	24	20	23
Хорошие отношения в коллективе	23	23	19	14	14
Официальный характер работы	12	17	18	15	12
Дополнительный соцпакет	10	9	16	15	12
Комфортные производственные задания	6	5	6	9	9
Пенсионные отчисления	6	8	7	8	6
Престижность	8	6	4	3	3
Затруднились с ответом	5	4	3	5	20
<i>Источник: [8].</i>					

Миграционные настроения более свойственны зумерам и младшим миллениумам [14] (11 % от числа опрошенных), чем более старшим возрастам (0–2 %). Иными факторами являются: 1) работа удаленно или гибридно по сравнению с работой в офисе (35 и 28 % соответственно), 2) в лучшие города для построения карьеры без связи с городом получения образования.

Проведенный анализ показал, что в базах данных специализированных организаций, тоже существуют возможности проведения поколенческого анализа специфики трудового поведения индивида и их отличий, хотя и в меньшей степени по сравнению с информацией, аккумулируемой Росстатом. Цифровым формам занятости при анализе рынка труда преимущественно уделяется внимание удаленной работе.

Сравнительная характеристика баз данных Росстата и специализированных организаций для анализа поколенческих поведенческих траекторий в цифровой экономике. Новым сектором сбора информации о рынке труда является в настоящее время сбор сведений о цифровых формах занятости, преимущественно платформенной, которая последней год позволяет получать доходы, существенно превышающие среднерыночные. Поэтому проведем сравнительный анализ используемых для этого подходов, составленный по материалам МОТ и ОЭСР (таблица 6) и сопоставим его с российским опытом.

Табл. 6 – Сравнительный анализ подходов оценки использования рабочей силы с учетом платформенной занятости, применяемые в мировой практике

Наименование	Преимущества	Недостатки	Примеры
Опросы			
Обследование домашних хозяйств			
С репрезентативной выборкой	большая выборка, учет отрасли, рабочего времени, особенностей занятости	фиксируются массовые явления, редкие (например, третья работа) могут не выявиться	Евростат 2021 год, пилотное исследование для подготовки к полномасштабному в 2026 году
Альтернативные обследования домашних хозяйств	занятость на цифровых платформах в контексте иных направлений использования цифровых технологий	меньшие объемы выборки	ИКТ ЕС2
Специализированные обследования			
Общее – выборка респондентов с определенными характеристика или занятых на определенных платформах	исследуются специфические виды занятости и/или конкретные проблемы – влияние политики, доступность для мигрантов и т.п.	нерепрезентативны для всего населения, так как отсутствуют характеристики генеральной совокупности	отчет WESO, подготовленный MOT,
в том числе:			
минималистический	2 вопроса (США) – была ли описываемая форма занятости в течение прошлой недели, 1 вопрос (Дания) – выполнялись ли работы через веб-сайт или приложение	ограниченность полученной информации	Бюро статистики труда США (US-BLS), LFS Дании
детализированный	13 вопросов, например, использовали ли интернет-платформы для получения прибыли в течение последнего года	отличие по критериям оценки занятости по сравнению с обследованием домашних хозяйств	COLLEEM Европейской Комиссии, проведенный в 2022 году
гибридный (смешанный, чилийский)	если респондент указывал, что получал доход от использования веб-платформ, то фиксировалось от какой именно и затем его ответы позиционировались как характеристики занятости на определенном типе цифровой платформы	невозможность добавить дополнительные вопросы для всех респондентов (Чили), слабое понимание опрашиваемыми понятия «цифровые технологии», жалобы на усталость (США, Канада)	Национального обследования занятости в Чили
Большие данные			
Экспериментальное измерение занятости на цифровых платформах.	технологичность за счет использования внутренней информации платформ	сложности сопоставления данных по платформам, так как используются разные критерии сбора информации, невозможно распространить полученные результаты на все население	использован для Всемирного рейтинга занятости и социального развития 2021 года – отчет Outlook (WESO), подготовленного MOT (ILO, 2021)
Административные источники информации			
Налоговые отчеты	дополняет статистический учет	проблемы с репрезентативностью из-за не учета теневой экономики, сложности проведения компаративного анализа	доступ к налоговой отчетности Бельгии с 2016 года
Источник: составлено авторами на основе [1].			

Как видно из таблицы 5, базы данных для исследования рынка труда в условиях цифровой экономики имеют одинаковые проблемы. Как и в других странах, в России формируются базы органов официальной статистики, специализированных организаций и большие данные рекрутинговых агентств. Административные источники информации (ФНС, МСП), пока предоставляют только ограниченный объем информации, без группировок по демографическим устойчивым характеристикам.

Большее внимание в настоящее время уделяется методам оценки использования цифровых форм занятости, преимущественно платформенной. Вводятся различные группировки трудового поведения. Наиболее распространенными являются по полу, возрасту и месту жительства.

Выводы и рекомендации. Гипотеза о различиях поведения на рынке труда лиц, относящихся к различным поколениям в ходе анализа, получила подтверждение. Это позволяет говорить о целесообразности расширения использования поколенческих группировок при формировании баз данных о занятости населения, тем более что это можно сделать на основе более детализированной обработки данных по возрастным группам. Для повышения точности получаемой информации, при наличии множества субъектов, формирующих информационные базы о рынке труда для повышения сопоставимости данных, предлагается разработать рекомендуемые группировки респондентов, которые обязательно должны быть репрезентативны по двум критериям 1) изучаемой совокупности (например, в разрезе конкретной платформы) и 2) генеральной совокупности в целом (для определенного региона и/или в масштабах страны). Это позволит расширить сопоставимость информации, а её детализация позволит принимать более обоснованные точечные решения для различных демографических групп, формируя карьерное поведение, необходимое для развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Digital platform work and employment. 21 st International Conference of Labour Statisticians. Geneva 11-20 October 2023. International Labour Organization (ILO). 2023. 43 p.
2. EU Labour Force Survey – new methodology from 2021 onwards. Eurostat. Statistics Explained URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_Labour_Force_Survey_-_new_methodology_from_2021_onwards#Labour_force_status (дата обращения: 20.08.2024).
3. HeadHunter. Исследования рынка труда. URL: <https://hh.ru/article/research?ysclid=lzqso9wtou813965138&customDomain=1> (дата обращения: 20.08.2024).
4. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z»; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
5. Жандарова И. На рынке труда новое явление: сотрудники уходят на обед и не возвращаются. Российская газета. 4.4.2024.
6. Итоги выборочного обследования рабочей силы. Росстат. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265.?print=1> (дата обращения: 20.08.2024).
7. Карьерное консультирование в современном мире: Теории и практики в России и за рубежом / Е. В. Минина, Е. С. Павленко, М. А. Кирюшина, А. А. Якубовская. М.: НИУ ВШЭ, Институт образования, 2021. 102 с.

8. Не только деньги, или о факторах выбора работы в России. 4.04.2024 года ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (дата обращения: 20.08.2024).
9. Никонов Е. Теория поколений. Стратегия Беби-бумеров. 1944–1963. Издательский дом «Синергия». 2023. 268 с.
10. Никонов Е., Шамис Е. В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985–2002 г.р.), которое меняет мир. Издательский дом «Синергия». 2021. 184 с.
11. Никонов Е., Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 1964–1984. Издательский дом «Синергия». 2022. 192 с.
12. Никонов Е., Шамис Е. Ценности поколений в России на 2020 год. URL: <https://rugenerations.ru/2020/06/17/ценности-разных-поколений-в-россии-на-20/> (дата обращения: 20.08.2024).
13. Образовательно-карьерные траектории выпускников российских вузов на материале лонгитюдного исследования / В. А. Мальцева, Н. Я. Розенфельд; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 48 с.
14. Охота к перемене мест. 26.03.2024. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest> (дата обращения: 20.08.2024).
15. Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376-390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.
16. Поваренков Ю. И. Периодизация профессионального становления личности: анализ отечественных и зарубежных подходов. Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. Т. II. С. 200–205.
17. Пресс-служба сервиса Работа.ру. Аналитика по рынку труда. URL: <https://press.rabota.ru/?ysclid=lzwwgi6js9c38196019> (дата обращения: 20.08.2024).
18. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. Социологический журнал. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
19. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
20. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание). Социологический журнал. 2020. Том 26. № 4. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.764.
21. Рынок труда: вахта. ХедХантер. Официальный сайт. Апрель 2024. URL: <https://hhcdn.ru/file/17807043.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
22. Рынок труда: главные тренды. ВЦИОМ. Официальный сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy> (дата обращения: 20.08.2024).
23. Шебураков И. Личность в системе управления. URL: Telegram: Contact @pers_conf (дата обращения 20.08.2024).

24. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

REFERENCES

1. Digital platform work and employment. 21 st International Conference of Labour Statisticians. Geneva 11-20 October 2023. International Labour Organization (ILO). 2023. 43 p.
2. EU Labour Force Survey - new methodology from 2021 onwards. Eurostat. Statistics Explained URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_Labour_Force_Survey_-_new_methodology_from_2021_onwards#Labour_force_status (date accessed: 20.08.2024).
3. *HeadHunter. Issledovaniya ry`nka truda* [Labor market research]. URL: <https://hh.ru/article/research?ysclid=lzqso9wtou813965138&customDomain=1> (date accessed: 20.08.2024).
4. Bogacheva N. V., Sivak E. V. *Mify` o «pokolenii Z»* [Myths about «Generation Z»]. Nacional`ny`j issledovatel`skij universitet «Vysshaya shkola e`konomiki», Institut obrazovaniya. M.: NIU VShE`, 2019. 64 p.
5. Zhandarova I. Na ry`nke truda novoe yavlenie: sotrudniki uxodyat na obed i ne vozvrashhayutsya. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya gazeta]. 4.4.2024.
6. *Itogi vy`borochnogo obsledovaniya rabochej sily`* [Results of a sample survey of the workforce]. Rosstat. Oficial`ny`j sajt. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265.?print=1> (date accessed: 20.08.2024).
7. *Kar`ernoe konsul'tirovanie v sovremennom mire: Teorii i praktiki v Ros`sii i za rubezhom* [Career counseling in the modern world: Theories and practices in Russia and abroad]. M.: NIU VShE`, Institut obrazovaniya, 2021. 102 p.
8. Ne tol`ko den`gi, ili o faktorax vy`bora raboty` v Rossii. [Not only money, or about the factors of choosing a job in Russia]. 4.04.2024 goda. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (date accessed: 20.08.2024).
9. Nikonov E. *Teoriya pokolenij. Strategiya Bebi-bumerov. 1944–1963* [Theory of generations. The strategy of the Baby Boomers. 1944–1963] Izdatel`skij dom «Sinergiya». 2023. 268 p.
10. Nikonov, E. Shamis, E. *V sem`e ne bez Milleniuma. Chto delat` pokoleniyu (1985–2002 g.r.), kotoroe menyaet mir. Izdatel`skij dom.* [There is a Millennium in the family. What should the generation (born in 1985–2002), which is changing the world, do?]. «Sinergiya». 2021. 184 p.
11. Nikonov, E. Shamis, E. *Teoriya pokolenij. Neoby`knovenny`j Iks. 1964–1984.* [Theory of generations. The Extraordinary X. 1964–1984]. Izdatel`skij dom «Sinergiya». 2022. 192 p.
12. Nikonov, E. Shamis, E. *Cennosti pokolenij v Rossii na 2020 god.* [Values of generations in Russia for 2020]. URL: <https://rugenerations.su/2020/06/17/cennosti-razny`x-pokolenij-v-rossii-na-20/> (date accessed: 20.08.2024).

13. *Obrazovatel'no-kar'erny'e traektorii vy'pusknikov rossijskix vuzov na materiale longitudnogo issledovaniya*. [Educational and career trajectories of graduates of Russian universities based on the material of longitudinal research]. Natsional'ny'j issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola e'konomiki», Institut obrazovaniya. M. NIU VShE. 2021. 48 p.
14. Oxota k peremene mest. [The hunt for a change of places]. 26.03.2024. VCIOM [WCIOM]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest> (date accessed: 20.08.2024).
15. Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. Interpretacii vzrosleniya i formirovanie obrazovatel'ny'x traektorij. [Interpretations of growing up and the formation of educational trajectories]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. [Monitoring public opinion: economic and social changes] 2020. № 3. PP. 376–390. <https://doi.org/10.14515/monitoring>. 2020. 3. 1604.
16. Povarenkov Yu. I. Periodizaciya professional'nogo stanovleniya lichnosti: analiz otechestvenny'x i zarubezhny'x podxodov. [Periodization of professional formation of personality: analysis of domestic and foreign approaches]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2014. № 3. T. II. PP. 200–205.
17. *Press-sluzhba servisa Rabota.ru*. [The press service of the Work service.ru]. Analitika po ry'нку truda. URL: <https://press.rabota.ru/?ysclid=lzwwgi6js9c38196019> (date accessed: 20.08.2024).
18. Radaev V. V. Millenialy` na fone predshestvuyushhix pokolenij: e'mpiricheskij analiz. [Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis]. *Sociologicheskij zhurnal*. [Sociological journal]. 2018. № 3. PP. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
19. Radaev V. V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i e'mpiricheskoe obosnovanie. (Pervaya chast'). [The split of the millennial generation: historical and empirical justification. (The first part)]. *Sociologicheskij zhurnal*. [Sociological journal]. 2020. Tom 26. № 3. PP. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
20. Radaev V. V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i e'mpiricheskoe obosnovanie. (Okonchanie). [The split of the millennial generation: historical and empirical justification. (Ending)]. *Sociologicheskij zhurnal*. [Sociological journal]. 2020. Tom 26. № 4. PP. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.764.
21. *Ry'nok truda: vaxta*. [Labor market: watch]. XedXanter. Oficial'ny'j sajt. April` 2024. URL: <https://hhcdn.ru/file/17807043.pdf> (date accessed: 20.08.2024).
22. *Ry'nok truda: glavny'e trendy*. [The labor market: the main trends]. VCIOM. [WCIOM] Oficial'ny'j sajt. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy> (date accessed: 20.08.2024).
23. Sheburakov I. *Lichnost` v sisteme upravleniya*. [Personality in the management system]. URL: Telegram: Contact @pers_conf (date accessed: 20.08.2024).
24. E'rikson E`. G. *Detstvo i obshchestvo*. [Childhood and society]. SPb.: Lenato, AST, Fond «Universitetskaya kniga», 1996. 592 p.

Информация об авторе

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498.

Information about the Author

Tat'jana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St. 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498.

Для цитирования: Иванова Т. Б. Сравнительный анализ российских баз данных рынка труда для выявления поколенческих и цифровых траекторий поведения населения // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 37–56. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 338.49

ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Марина Викторовна Леденёва

Волгоградский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Целью данной статьи является выделение групп регионов России со схожими значениями факторов, важных для развития региональной транспортной системы, описание особенностей каждой группы.

Методы. В работе на основе системного подхода применялись методы сравнительного, статистического, кластерного анализа, графического представления данных. Обработка данных проводилась в программе Statistica.

Анализ. По методу Уорда были выявлены и описаны шесть кластеров: столичный кластер, кластер малонаселенных регионов – рекордсменов по показателю ВРП на душу населения, регионы-среднячки, добывающие регионы Севера и Азиатской части России, экономически развитые регионы, «сельскохозяйственный юг».

Выводы. Проведенная кластеризация будет полезна при разработке региональных и федеральных программ и мероприятий, направленных на развитие и совершенствование транспортного комплекса регионов РФ, поможет правильно выставить приоритеты и скоординировать межрегиональное сотрудничество.

Ключевые слова: транспорт, регионы России, транспортная инфраструктура, транспортные системы, кластерный анализ, кластер, транспортный комплекс.

UDC 338.49

TRANSPORT SYSTEM IN THE REGIONS OF RUSSIA

Marina V. Ledeneva

Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The purpose of this article is to identify groups of Russian regions with similar values of factors important for the development of the regional transport system, and to describe the characteristics of each group.

Methods. In the work, based on the system approach, methods of comparative, statistical, cluster analysis, and graphical presentation of data were used. Data processing was carried out in the Statistica program.

Analysis. Using Ward's method, six clusters were identified and described: the capital cluster, a cluster of sparsely populated regions – record holders in terms of GRP per capita, average regions, extractive regions of the North and Asian part of Russia, economically developed regions, and the “agricultural south”.

Conclusions. The conducted clustering will be useful in developing regional and federal programs and activities aimed at developing and improving the transport complex of the regions of the Russian Federation, will help to correctly set priorities and coordinate interregional cooperation.

Keywords: transport, regions of Russia, transport infrastructure, transport systems, cluster analysis, cluster, transport complex.

Введение

Транспорт – одна из важнейших отраслей народного хозяйства, выполняющая функцию своеобразной кровеносной системы в сложном организме страны. Он не только обеспечивает потребности хозяйства и населения в перевозках, но вместе с городами образует «каркас» территории, является крупнейшей составной частью инфраструктуры, служит материально-технической базой формирования и развития территориального разделения труда, оказывает существенное влияние на динамичность и эффективность социально-экономического развития отдельных регионов и страны в целом [1].

Учитывая тот факт, что Россия – крупнейшая в мире страна по площади территории, ее протяженность с запада на восток составляет около 10 тыс. км, с севера на юг – более 4 тыс. км, исключительную важность для нее имеет транспортный комплекс, обеспечивающий территориальную целостность, пространственную эффективность и единство экономического пространства. От того, насколько пропускная способность транспорта соответствует потребностям экономики и населения, напрямую зависят темпы экономического роста, конкурентоспособность национальной экономики, обороноспособность, освоение природных богатств, сохранность окружающей среды и качество жизни населения [4, с. 40].

Транспортная инфраструктура – это совокупность всех видов транспорта и транспортных структур, деятельность которых направлена на создание благоприятных условий

функционирования всех отраслей экономики [3, с. 31]. Россия обладает развитой и обширной транспортной сетью, включающей в себя 87 тыс. км железных дорог, более 745 тыс. автомобильных дорог с твердым покрытием, свыше 600 тыс. км. воздушных линий, 70 тыс. км магистральных нефте- и продуктопроводов, свыше 140 тыс. км магистральных газопроводов, 115 тыс. км речных судоходных путей и множество морских трасс. Эту обширную транспортную инфраструктуру необходимо поддерживать в работоспособном состоянии, развивать и совершенствовать.

Транспортная система России складывается из транспортных систем ее регионов, значительно различающихся между собой по климатическим условиям, рельефу местности, плотности населения, уровню развития промышленного производства. Региональные различия необходимо учитывать при выборе мест размещения элементов транспортно-логистической инфраструктуры, разработке целевых программ, совершенствовании государственной экономической политики развития транспорта.

Любой регион России в самом общем случае можно рассматривать «как сложную систему управления, подчиняющуюся действиям как внешних условий, так и внутренних факторов развития» [5]. Для разных регионов могут существовать собственные закономерности и зависимости между факторами, поэтому целесообразно проводить исследование факторов, обуславливающих развитие транспортной отрасли, в однородных группах [2, с. 74]. Кроме того, функционирование региональных транспортных систем во времени происходит с разной скоростью. При этом, несмотря на особенности регионов, есть и много схожих процессов, свойственных нескольким регионам.

Поскольку группировку региональных транспортных систем требуется произвести по ряду разнородных факторов, имеющих различные единицы измерения, для решения этой задачи целесообразно использовать кластерный анализ. Использование кластерного анализа позволит выделить группы субъектов РФ со сходным сочетанием значений признаков факторов развития транспортной отрасли. Анализ таких групп – кластеров позволяет выявлять и эффективно решать типичные проблемы регионального развития транспортной системы, придать ускорение необходимым экономическим процессам, сконцентрировать ресурсы на ключевых направлениях развития транспортного комплекса [7, с. 12].

Цель исследования заключается в выделении групп регионов РФ со схожими значениями значений признаков, важных для развития транспортной системы, описании особенности каждой группы.

Методы исследования. В исследовании применены методы компаративного, статистического анализа, включая дисперсионный анализ, иерархический метод кластерного анализа (метод Уорда). В качестве меры расстояния между объектами было использовано евклидово расстояние, все показатели использованы с равным весом. Обработка данных была проведена в пакете Statistica. Данные интерпретированы с использованием таблиц и рисунков.

Эмпирической базой исследования является информационный массив данных Росстата, характеризующий демографическое развитие 83 субъектов РФ за 2022 г. (за исключением показателя валовой региональный продукт на душу населения) [6]. Из анализа были исключены Республика Калмыкия и город федерального значения Севастополь в связи с отсутствием открытых данных по объему отгруженной продукции в добывающей промышленно-

сти. Соответствующие данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

В таблице 1 представлена система показателей для кластерного анализа регионов России по социально-экономическим, инфраструктурным и климатическим факторам, обуславливающих развитие транспортной отрасли.

Табл. 1 – Система показателей для кластерного анализа регионов России по социально-экономическим, инфраструктурным и климатическим факторам, обуславливающих развитие транспортной системы

№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Год
1	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения	рубли	2021
2	Плотность населения	человек /км ²	На 1.01.2023 г.
3	Климатическая зона	-	-
4	Объем отгруженной продукции в обрабатывающей промышленности на душу населения	рубли	2022
5	Объем отгруженной продукции в добывающей промышленности на душу населения	рубли	2022
6	Плотность железнодорожных путей общего пользования	км путей на 10000 км ² территории	2022
7	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	км путей на 1000 км ² территории	2022
8	Число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения	Ед. на 100000 населения	2022
9	Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования	%	2022

Примечание: Источник: собственная разработка на основе данных [6].

Показатели были отобраны таким образом, чтобы их значения были сопоставимыми для регионов РФ, которые значительно отличаются как по численности населения, так и по площади территории.

Поскольку переменные имеют различные единицы измерения, в пакете Statistica была произведена стандартизация данных. Стандартизованные значения вычисляются следующим образом [8, с. 136]:

$$x_{\text{норм.}} = \frac{x - \mu}{\sigma}, \quad (1)$$

где x – исходное значение;

μ – среднее значение ряда;

σ – стандартное отклонение.

Анализ

Кластеризация методом Уорда позволила выделить следующие пять кластеров (рис. 1):

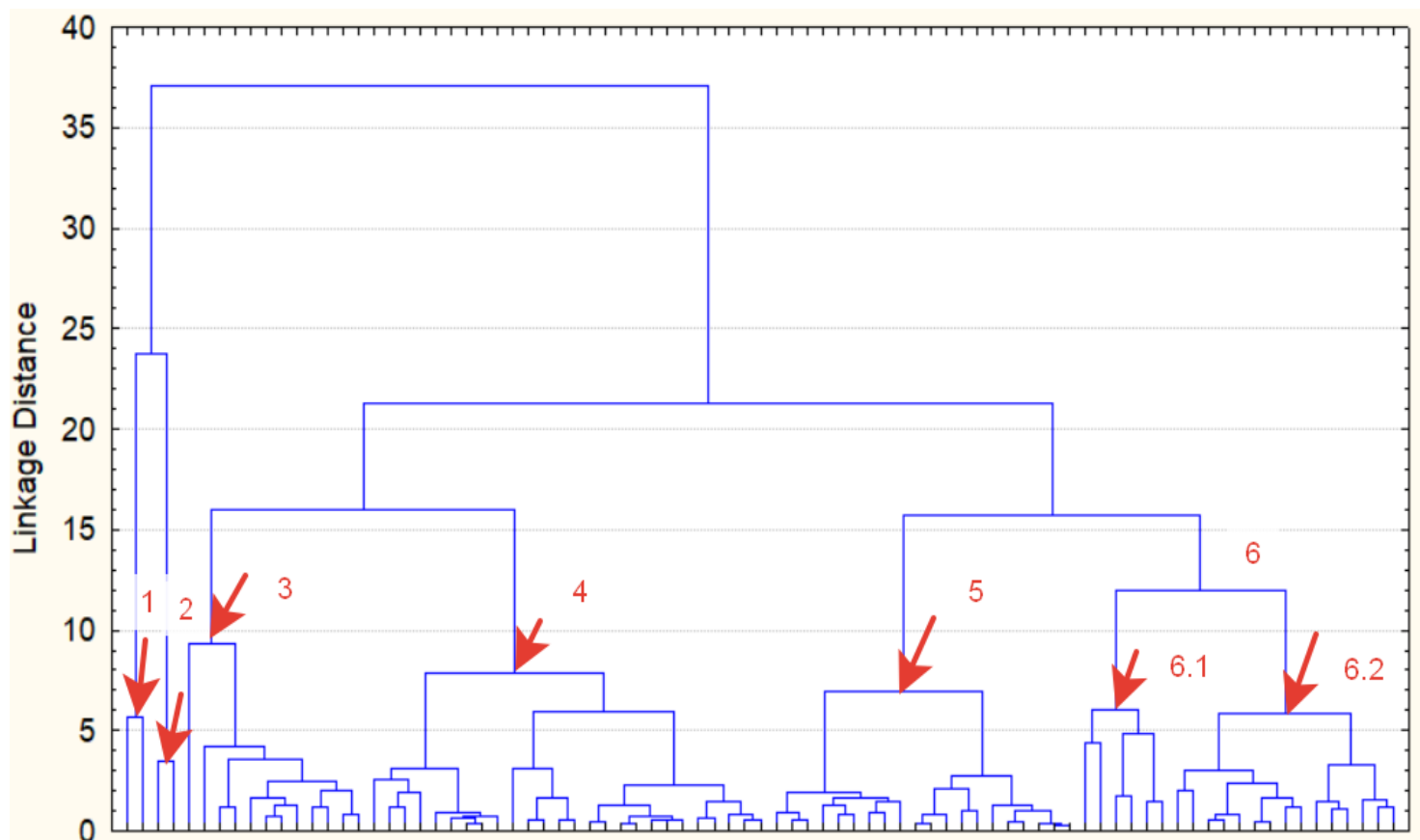

Рис. 1. Дендрограмма по методу Уорда, Евклидово расстояние

Примечание: Источник: собственная разработка на основе данных [6]

В таблице 2 представлен состав кластеров, созданных по методу Уорда. Первый кластер включает в себя столичные регионы-города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Особенностью «столичного» подкластера является очень высокая плотность населения, обуславливающая в свою очередь чрезвычайно высокую плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием и железнодорожных путей, а также большой удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (100 % в Москве и 98,9 % в Санкт-Петербурге). Для данного кластера приоритетной задачей является развитие общественного транспорта, которая, однако, по-разному решается в Москве и Санкт-Петербурге: если в Москве с 2010 года в качестве основного вектора был выбран рельсовый каркас, в который входит метрополитен и интегрированная в метрополитен пригородная железная дорога, то в Санкт-Петербурге преимущество отдано развитию наземного транспорта.

Табл. 1 – Состав кластеров, созданных по методу Уорда

№ п/п	Состав элементов	Число элементов в кластере
1	г. Москва, г. Санкт-Петербург	2
2	Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО	2
3	Республика Адыгея, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край, Приморский край	12
4	Тамбовская, Тверская, Астраханская, Волгоградская области, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Самарская, Саратовская области, Республика Бурятия, Брянская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Ярославская, Псковская, Пензенская, Ульяновская, Кировская области, Чувашская Республика, Кемеровская, Томская, Сахалинская области	26
5	Республика Карелия, Республика Коми, Удмуртская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Республика Башкортостан, Архангельская, Оренбургская, Курганская, Иркутская, Новосибирская, Омская, Алтайский край, Забайкальский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область, Красноярский край	20
6	<u>Подкластер 6.1:</u> Мурманская, Тюменская, Магаданская области, Камчатский край, ХМАО-Югра, Чукотский АО <u>Подкластер 6.2:</u> Белгородская, Владимирская, Калужская, Липецкая, Московская, Тульская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Нижегородская, Свердловская, Челябинская, Республика Татарстан, Пермский край	21

Второй кластер включает в себя малонаселенные регионы – рекордсмены по показателю ВРП на душу населения – Ненецкий АО и Ямало-Ненецкий АО. Их особенностью является территориальное расположение в суровых климатических условиях, низкая плотность населения и автомобильных дорог и очень высокий объем отгруженной продукции добывающей промышленности на душу населения. Данные регионы не обладают развитой транспортно-логистической инфраструктурой. Так, в Ненецком автономном округе до сих пор нет автомобильной дороги круглогодичного сообщения с Центральными районами России, нет железной дороги. Все доставляется в округ авиатранспортом, морским транспортом и в зимний период по автозимнику. В Ямало-Ненецком автономном округе транспортное сообщение не круглогодичное в связи с климатическими условиями, транспортная инфраструктура железнодорожного и автомобильного транспорта не отвечает многим количественным и качественным требованиям и не способна удовлетворить растущий спрос.

В третий кластер «сельскохозяйственный юг» входят преимущественно сельскохозяйственные регионы Юга России (за исключением Приморского края). Их особенностью является относительно небольшой ВРП на душу населения, относительно невысокий объем от-

груженной продукции в обрабатывающей и низкий – в добывающей промышленности на душу населения, достаточно высокие показатели плотности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием и удельного веса автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования. Наиболее широко распространенным видом транспорта в данных регионах является автомобильный. Он занимает лидирующее положение, как по объему перевозок грузов, так и пассажиров. Основными проблемами транспортного комплекса регионов данного кластера является высокая нагрузка на федеральные автомобильные дороги и в значительной степени исчерпание их пропускной способности в связи с увеличением грузопотоков.

Четвертый кластер – «регионы-середнячки» является наиболее многочисленным и включает в себя преимущественно регионы Центральной России и Поволжья. Его особенностями являются средний уровень ВРП на душу населения, средний объем отгруженной продукции в обрабатывающей промышленности на душу населения, средний удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, средняя плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием. Приоритетом данных регионов, на наш взгляд, должно стать повышение транспортной доступности малых и средних городов за счет приведения в нормативное состояние региональных и местных дорог, в первую очередь соединяющих центры муниципальных районов и городских округов с региональными центрами, развитие внутрирегиональной сети автомобильных дорог, повышение доли автомобильных дорог с твердым покрытием.

Пятый кластер – «добывающие регионы Севера и Азиатской части России», также довольно многочисленный, включает преимущественно регионы европейского Севера или расположенные за Уралом с невысокой или низкой плотностью населения, средней или низкой плотностью железнодорожных путей и автомобильных дорог, достаточно высоким ВРП на душу населения, средним объемом отгруженной продукции в обрабатывающей промышленности на душу населения и высоким объемом – в добывающей промышленности. Основным видом транспорта в данных регионах является железнодорожный, который позволяет осуществлять массовые поставки крупнотоннажных грузов. Автомобильный же транспорт в основном используется для перевозки небольших потоков грузов на короткие расстояния. Транспортная инфраструктура регионов данного кластера развита относительно слабо, для успешного экономического развития важно расширение транспортной сети.

Шестой кластер «экономически развитые регионы России» включает субъекты РФ с высоким уровнем ВРП на душу населения, большим объемом отгруженной продукции в обрабатывающей промышленности на душу населения и достаточно высоким – в добывающей промышленности, большим удельным весом дорог с твердым покрытием. Как видно из рис. 1, внутри шестого кластера можно выделить два подкластера с довольно значительным расстоянием между ними: подкластер регионов с суровым климатом (6.1), для которых характерна очень низкая плотность населения, железнодорожных и автомобильных путей, и подкластер регионов с умеренным климатом (6.2) с достаточно высокой плотностью населения, высокой плотностью железнодорожных путей и автомобильных дорог. Можно отметить, что подкластер 6.2 обладает развитой дорожной инфраструктурой.

Выводы

Выявленные особенности пространственной дифференциации регионов России по факторам, влияющим на развитие региональных транспортных систем, будут полезны при разработке различных региональных и федеральных программ и мероприятий, направленных на развитие и совершенствование транспортного комплекса регионов РФ, помогут правильно выставить приоритеты и скоординировать межрегиональное сотрудничество. Представляется необходимым приоритетное развитие транспортной инфраструктуры северных регионов, которая не отвечает их текущим и будущим потребностям, при значительном вкладе этих регионов в ВВП России, увеличение пропускной способности автомобильных дорог Юга России, а для регионов Центральной России и Поволжья – повышение транспортной доступности малых и средних городов, развитие внутрирегиональной сети автомобильных дорог, повышение доли автомобильных дорог с твердым покрытием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Значение транспортного комплекса / Морские узлы. URL: https://www.muzel.ru/article/tramline/zna4enie_trancportnogo_komplekca.htm (дата обращения 15.09.2024).
2. Копылова О. А. Кластеризация региональных транспортно-логистических систем // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2013. Т. 3. № 2. С. 73–81.
3. Максимов А. Б. Транспортная инфраструктура регионов // Известия Байкальского государственного университета. 2007. № 1(51). С. 30–33.
4. Потеев Д. А., Потеева М. А. Начало эпохи обновления транспортной системы России // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4-1(52). С. 40–47.
5. Прохоренков П. А., Регер, Т. В., Гудкова Н. В. Методы кластерного анализа в региональных исследованиях // Фундаментальные исследования. 2022. № 3. С. 100–106. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43221> (дата обращения 15.09.2024).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Статистический сборник. М.: Росстат, 2023. 1126 с.
7. Резер С. М. Кластерный подход к проблемам транспорта // Интегрированная логистика. 2010. № 1. С. 12–16.
8. Стукач О. В. Программный комплекс Statistica в решении задач управления качеством. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2011. 163 с.

REFERENCES

1. Znachenie transportnogo kompleksa / Morskie uzly. URL: https://www.muzel.ru/article/tramline/zna4enie_trancportnogo_komplekca.htm (data obrashhenija: 15.09.2024).
2. Kopylova O. A. Klasterizacija regional'nyh transportno-logisticheskikh sistem // Sovremennye problemy transportnogo kompleksa Rossii. № 2013. № T. 3. № 2. С. 73–81.
3. Maksimov A. B. Transportnaja infrastruktura regionov // Izvestija Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 1 (51). S. 30–33.
4. Poteev D. A., Poteeva M. A. Nachalo jepohi obnovlenija transportnoj sistemy Rossii // Innovacionnoe razvitie jekonomiki. 2019. № 4-1 (52). S. 40–47.

5. Prohorenkov P. A., Reger T. V., Gudkova N. V. (2022) Metody klasternogo analiza v regional'nyh issledovaniyah // Fundamental'nye issledovaniya. 2022. № 3. С. 100–106.
6. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2023: Statisticheskij sbornik. М.: Rosstat, 2023. 1126 s.
7. Rezer S. M. Klasternyj podhod k problemam transporta // Integrirovannaja logistika. 2010. № 1. S. 12–16.
8. Stukach O. V. Programmnyj kompleks Statistica v reshenii zadach upravlenija kachestvom. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2011. 163 s.

Информация об авторе

Марина Викторовна Леденёва, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Волгоградский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, ул. Волгодонская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814.

Information about the Author

Marina V. Ledeneva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor Department of Management and Marketing, Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Volgodonskaya st., 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814.

Для цитирования: Леденёва М. В. Транспортные системы регионов России // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 57–65. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD ECONOMY

УДК 336.02, 336.13

ИНДИКАТОРЫ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Ирина Константиновна Биткина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Данное исследование содержит результаты исследования финансовой стабильности латиноамериканских стран. Необходимость рассмотрения опыта зарубежных стран актуализируется в связи с системным реформированием накопительных элементов российской пенсионной системы. Выступая в качестве примера страны, впервые применившие данные элементы в обязательных системах пенсионного обеспечения, институциональные характеристики национальных систем пенсионного обеспечения, позволят выявить факторы наиболее значимые при развитии национальных систем пенсионного обеспечения с целью обеспечения их финансовой стабильности.

Методология. Основным методом исследования выступает сравнительный анализ параметров развития национальных пенсионных систем стран латиноамериканского региона. Приведено обоснование выборки исследования.

Анализ. Исследование проводилось на основе авторской методики, включающей следующие индикаторы – бюджетная устойчивость, развитие финансового рынка и финансовых инструментов, состояние рынка труда. Исследование проводилось на основе нормативных и эмпирических характеристик пенсионных систем рассматриваемых групп стран, представленных в различных международных обзорах. В результате характеристик пенсионных систем показано, что распределительный и накопительный компоненты демонстрируют различные эффекты в рамках рассмотренных групп индикаторов. Наиболее сильное влияние оказывает система финансового обеспечения национальных пенсионных систем. По данной причине финансовая стабильность пенсионных систем обеспечивается при обязательном достижении по индикаторам бюджетной устойчивости и состояния рынка труда. Проведенный анализ также позволил выявить факторы уязвимости финансовой стабильности пенсионных систем различного типа в рамках каждой из выделенных групп.

Результаты. Выводы исследования могут быть использованы при разработке дальнейших комплексных программ реформирования российской пенсионной системы Россий-

ской Федерации, так и ее отдельных институциональных элементов на основании опыта латиноамериканских государств. Результаты исследования вносят в клад в теорию публичных финансов и социального обеспечения части методики оценки финансовой стабильности.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионное обеспечение, Латинская Америка, распределительная пенсионная система, накопительная пенсионная система, финансовая стабильность, финансовая устойчивость, бюджетная устойчивость, пенсионная модель.

UDC 336.02, 336.13

INDICATORS OF FINANCIAL STABILITY OF PENSION SYSTEMS IN LATIN AMERICA

Irina K. Bitkina

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This study contains the results of a study of the financial stability of Latin American countries. The need to consider the experience of foreign countries is actualized in connection with the systemic reform of the accumulative elements of the Russian pension system. As an example of countries that have applied these elements in mandatory pension systems for the first time, the institutional characteristics of national pension systems make it possible to identify the factors most significant in the development of national pension systems in order to ensure their financial stability.

Methodology. The main research method is a comparative analysis of the parameters of the development of national pension systems in the Latin American region. The rationale for the study sample is given.

Analysis. The study was conducted on the basis of the author's methodology, which includes the following indicators – fiscal sustainability, the development of the financial market and financial instruments, the state of the labor market. The study was conducted on the basis of normative and empirical characteristics of pension systems of the considered groups of countries, presented in various international reviews. As a result of the characteristics of pension systems, it is shown that the distributive and accumulative components demonstrate different effects within the framework of the considered groups of indicators. The financial support system of national pension systems has the strongest impact. For this reason, the financial stability of pension systems is ensured with the mandatory achievement of indicators of budgetary stability and the state of the labor market. The analysis also revealed the vulnerability factors of the financial stability of pension systems of various types within each of the identified groups.

Results. The results obtained can be used in the development of further comprehensive programs for reforming the pension system of the Russian Federation, as well as individual institutional elements of the mandatory pension insurance system based on the experience of Latin American states. The results of the study contribute to the treasure trove in the theory of public finance and social security of the methodology for assessing the financial stability of national pension systems.

Keywords: pension system, pension provision, Latin America, distributive pension system, accumulative pension system, financial stability, financial stability, budgetary stability, pension model.

Введение

Реформирование пенсионной системы является важным фактором поддержания ее эффективности. Данные преобразования могут затрагивать как отдельные элементы ее функционирования – например, уточнение условий, необходимых для назначения страховой пенсии – так и модифицировать модель в целом. Выбор конкретных направлений развития национальной системы пенсионного обеспечения определяется макроэкономическими условиями, в рамках которых осуществляется функционирование данной пенсионной системы. К данному фактору можно отнести уровень развития финансового рынка в стране и эффективность его основных инструментов.

Осенью 2023 года Правительство РФ анонсировало очередной этап проведения пенсионной реформы, предполагающий приватизацию пенсионных накоплений, сформированных в рамках системы обязательного пенсионного страхования. В этой связи повышается значимость научного обоснования возможных направлений инвестирования сформированных пенсионных резервов. Исторически сложилось, что первыми странами, внедрившими приватизационные модели пенсионных систем, стали страны Латинской Америки. На данный момент времени рынок пенсионных накоплений в них представлен различными форматами: от дополнительного уровня в рамках системы обязательного пенсионного страхования до самостоятельного и единственного возможного механизма формирования пенсионных прав.

Исходя из существующих институциональных различий, представляется целесообразным выявить структурные факторы, оказывающие влияние на эффективность организации как инвестиционных элементов, так и национальной пенсионной системы в целом.

В большей части латиноамериканских стран реформирование систем пенсионного обеспечения проводилось в 90-е годы XX века. Данные преобразования преимущественно были направлены на построение пенсионных моделей приватизационного типа [2; 4; 7; 8; 10]. Предполагалось, что данные пенсионные модели способны существенно снизить нагрузку на государственные бюджеты, развить национальные финансовые рынки и повысить благосостояние населения пенсионного возраста [1; 3; 4; 5; 6; 8; 9].

Указанный опыт не стал локальным, и постепенно приватизационные модели пенсионного обеспечения в той или иной степени были использованы при пенсионных реформах в других странах – включая страны с экономикой переходного типа.

На момент проведения преобразований представления о приватизационных пенсионных моделях в большей степени носили концептуальный характер, а пенсионные реформы проводились без учета особенностей экономических систем разных стран, что также приводило к неодинаковым результатам в области пенсионного обеспечения. Следует отметить, что ряд стран достаточно быстро «сворачивали» эксперименты по внедрению накопительного элемента, что не позволяло в полной мере оценить его эффективность [8; 9]. Достаточно часто проблемы, характерные для одной страны, оказываются актуальными для мирового рынка пенсионного обеспечения в целом [8; 9].

Начиная с момента проведения пенсионных реформ, данные преобразования подвергаются достаточно существенной критике, при чем как в странах, копировавших данный опыт, так и государствах, введивших данные преобразования впервые [1; 2; 3; 4; 10]. Проведенные обзоры в основном концентрируются на результатах реформ, оставляя без внимания условия их реализации – институциональные особенности стран, связанных с их бюджетной политикой, состоянием финансового рынка, особенностями построения рынка труда, структуры доходов домохозяйств и пр. Предлагаемый в статье альтернативный подход заключается в исследовании факторов и особенностей, влияющих на результативность применяемой в стране пенсионной модели. При выявлении и доказательстве данных закономерностей становится возможным определение наиболее приоритетных направлений развития национальной модели пенсионного обеспечения.

Методология

Основным методом исследования выступает сравнительный анализ параметров развития национальных пенсионных систем стран латиноамериканского региона. На основе институциональных характеристик пенсионных систем обоснован выбор исследования.

Наша цель состоит в рассмотрении как можно большего числа пенсионных элементов, а не стран. Для реализации данной цели в качестве объекта исследования выбраны пенсионные системы следующих латиноамериканских стран:

- 1) Аргентина;
- 2) Бразилия;
- 3) Мексика;
- 4) Чили.

Представленные страны были выбраны на основе существенных различий между применяемыми в них пенсионными моделями, что позволяет нам лучше определить факторы зависимости различных индикаторов финансовой стабильности пенсионных систем.

Основная часть

Пенсионные системы стран латиноамериканского региона, несмотря на уникальность их эволюции и структуры, далеко не всегда выступают в качестве объекта рассмотрения в рамках индексов эффективности пенсионных систем. Так, например, Пудовкин А. В. в рамках разработанного им индекса эффективности пенсионных систем подробно останавливается только на характеристиках пенсионной системы Чили [3]. Это указывает на определенный исследовательский вакуум в области сравнительной оценки эффективности пенсионных систем стран данного региона.

Для определения уровня эффективности применяемых пенсионных моделей и оценки влияния институциональных факторов выделенных стран на реализацию пенсионной политики нами выделены следующие группы:

- 1) индикаторы бюджетной устойчивости;
- 2) индикаторы развития финансового рынка;
- 3) индикаторы состояния рынка труда.

Показатели отбирались на основе следующих критериев:

- 1) наличие данных для всех выделенных стран;
- 2) возможна количественная оценка показателя;
- 3) показатели являются сопоставимыми по времени для всех выделенных стран.

Выделенные индикаторы приведены в таблице 1.

Табл. 1 – Группы индикаторов оценки уровня эффективности применяемых пенсионных моделей

Индикаторы бюджетной устойчивости	Индикаторы развития финансового рынка	Индикаторы состояния рынка труда
1. Сбалансированность бюджета. 2. Наличие суверенных фондов и источники их формирования. 3. Самостоятельность бюджетов. 4. Сбалансированность внебюджетных фондов. 5. Соотношение ВВП к государственному долгу. 6. Межбюджетные трансферты в финансировании дефицита внебюджетных фондов	1. Соотношение активов финансового сектора к ВВП (глубина финансового рынка). 2. Уровень финансовой доступности. 3. Распространенность отдельных финансовых инструментов для сбережений среди населения. 4. Ограничение на использование отдельных финансовых инструментов для инвестирования пенсионных накоплений. 5. Применение финансовых инструментов в качестве альтернативы пенсионному обеспечению. 6. Соотношение пенсионного капитала к ВВП	1. Время начала трудовой деятельности, в годах. 2. Уровень неформальной занятости в экономике. 3. Средняя продолжительность трудовой деятельности. 4. Пенсионный возраст. 5. Уровень безработицы среди различных возрастных групп

Представленные индикаторы характеризуют как состояние пенсионных институтов и инструментов, так и показывают факторы, непосредственно не затрагивающие пенсионную модель, но влияющие на степень реализации функций национальной пенсионной системы.

При рассмотрении характеристик для вышеприведенных странах выборки получено следующее.

Типичным примером пенсионной системы распределительного типа является система пенсионного обеспечения в Бразилии. Пенсионная система Бразилии является наименее зависимой от состояния бюджетной устойчивости. Данный фактор объясняется ростом уровня государственного долга к ВВП. Так, среди наблюдаемых групп стран показатель соотношения уровня государственного долга к ВВП является наибольшим (8,7 %). Аналогичная проблема наблюдается и для пенсионной модели Аргентины.

Риски для бразильской пенсионной системы представляет и рынок труда: по состоянию на конец 2023 года, уровень неформальной занятости достигает 60 %.

При этом существует «возможность «гибкого» выхода на пенсию» [6] при выполнении условий по страховому стажу, что в определенной степени «оказывает положительное влияние на уровень финансовой стабильности» [1] пенсионной системы данной страны.

«За последние двадцать лет доля пенсионеров в бразильском обществе выросла на 72 процента и составляет более 24 миллионов человек. Ожидается, что уже к 2060 году на 63 трудоспособных гражданина будет приходиться 100 ушедших на пенсию» [5]. В последние несколько лет был проведён ряд пенсионных реформ, связанных с повышением пенсионного возраста, изменением системы начисления пенсионных баллов и уплаты взносов. Это в определенной степени оказало положительное влияние на уровень коэффициентов замещения и поддержки.

Аргентинская модель пенсионной системы характеризуется наиболее четкой системой пенсионных правил среди государств данного региона. «Основные требования для будущих пенсионеров, соблюдение которых необходимо для получения выплат, – это достижение установленного возраста, а также трудового стажа» [7]. Минимальный стаж – 30 лет.

«При этом законодательством предусмотрена возможность приобретения недостающих лет трудового стажа с помощью специальной программы, разработанной местной налоговой администрацией» [8].

В конце 1994 года в пенсионной системе Аргентины был внедрен обязательный накопительный компонент, который в середине 2008 года был отменен, т.к. выступал в качестве фактора снижения стабильности национальной пенсионной системы. Механизмами обеспечения финансовой стабильности аргентинской пенсионной системы является режим индексации: он проводится по уровню инфляции и тем самым положительно сказывается на уровне бюджетной устойчивости [7].

Отмечается зависимость финансовой стабильности аргентинской пенсионной системы от состояния рынка труда: уровень безработицы среди молодого населения в Аргентине – 34 % (15–24 лет), что является наибольшим значением среди анализируемой группы стран.

Система пенсионного обеспечения в Мексике представляет собой систему установленными взносами. Взносы оплачивает сам работник. В данной системе наибольшая зависимость финансовой стабильности пенсионной системы от состояния рынка труда. Накопительный компонент был введен в 1996 году и в настоящее время носит добровольный характер. Повышение пенсионного возраста произошло в 2023 году. В пенсионной системе один централизованный пенсионный фонд, что повышает риски для индикаторов бюджетной устойчивости.

В Чили применяется система финансирования взносов за счет средств работников: это повышает заинтересованность, но при этом повышает риски по индикатору состоянию рынка труда [10]. Государственная пенсия предусмотрена отдельным категориям работникам, но при этом уровень охвата пенсионным обеспечением является достаточно низким [10]. Достаточно долго в законодательстве Чили существовало понятие минимальная пенсия, но, поскольку на пенсию уже выходят работники, не заставшие «переходный» период пенсионной реформы, с 2020 года она не назначается [10].

Таким образом, финансовая стабильность чилийской пенсионной системы демонстрирует наибольшую уязвимость по индикаторам финансового рынка. Определенным фактором риска бюджетной устойчивости выступает возможность досрочного изъятия пенсий:

по итогам 2023 года в Чили данным правом воспользовались 38 % от общего числа вкладчиков, что является наивысшим показателем для стран данного региона.

Зависимость финансовой стабильности пенсионной системы от состояния финансового рынка определяется и структурой инвестиционного портфеля домашних хозяйств данных стран (Таблица 2):

Табл. 2 – Структура инвестиционного портфеля домашних хозяйств

Страна	Наибольшая доля финансового инструмента	Наименьшая доля финансового инструмента
Аргентина	банковские депозиты	пенсионные активы и страхование
Бразилия	ценные бумаги	пенсионные активы и страхование
Чили	пенсионные активы и страхование (56 %)	банковские депозиты
Колумбия	пенсионные активы и страхование	ценные бумаги
Мексика	ценные бумаги	банковские депозиты
Перу	банковские депозиты (доля пенсионных активов и страхования – 41 %)	ценные бумаги

Наибольший риск для финансовой стабильности пенсионных систем возникает в странах с доминирующей долей пенсионных активов в структуре сбережений домашних хозяйств.

На основании обобщения опыта функционирования латиноамериканских моделей пенсионных систем, выявлены необходимые составляющие финансовой стабильности пенсионных систем:

1. Система правил для назначения пенсии.
2. Применяемая система начисления страховых взносов.
3. Система регулирования деятельности пенсионных фондов в стране.
4. Наличие накопительного компонента в системе пенсионного обеспечения и его характер (обязательный или добровольный).
5. Наличие обязательных «солидарных» пенсионных выплат. Характеризует обязательную пенсионную выплату для всех граждан, достигших законодательно установленного пенсионного возраста. Право на данную выплату и ее размер не зависят от размера пенсионных прав, сформированных застрахованным лицом. Пенсионным законодательством также может предусматриваться выплата минимально гарантированной пенсии при соблюдении определенных условий.
6. Источник финансового покрытия пенсионных выплат. (Взносы работодателя/работника/бюджетные средства в случае дефицита средств на необходимый уровень пенсии).
7. Структура допустимых инвестиционных накоплений пенсионного фонда.

8. Наличие возможности приобретения недостающих пенсионных баллов.

9. Применяемая система начисления пенсий (включая балльную).

10. Система поощрения добровольных пенсионных накоплений для работодателей и работников.

Зависимость выделенных групп индикаторов от указанных выше составляющих имеет следующий вид (Таблица 3):

Табл. 3 – Зависимость индикаторов финансовой стабильности пенсионных систем от институциональных характеристик национальной пенсионной модели

Наименование группы индикаторов	Институциональные характеристики национальной пенсионной модели
Индикаторы бюджетной устойчивости	Система правил для назначения пенсии. Применяемая система начисления страховых взносов. Наличие обязательных «солидарных» пенсионных выплат. Источник финансового покрытия пенсионных выплат. Применяемая система начисления пенсий (включая балльную)
Индикаторы развития финансового рынка	Система регулирования деятельности пенсионных фондов в стране. Наличие накопительного компонента в системе пенсионного обеспечения и его характер (обязательный или добровольный). Наличие обязательных «солидарных» пенсионных выплат. Структура допустимых инвестиционных накоплений пенсионного фонда. Система поощрения добровольных пенсионных накоплений для работодателей и работников
Индикаторы состояния рынка труда	Система правил для назначения пенсии. Наличие возможности приобретения недостающих пенсионных прав для застрахованных лиц. Система поощрения добровольных пенсионных накоплений для работодателей и работников

Таким образом, наиболее сильная зависимость между представленными характеристиками и индикаторами наблюдается для параметра бюджетной устойчивости. Это во многом определяет характер и направления реформирования пенсионных систем распределительного типа как в странах данного региона, так и в иных государствах, применяющих данную модель.

Относительно устойчивости индикаторов финансового рынка наблюдается высокая зависимость от общего уровня его развития, что усложняет проведение изолированных пенсионных реформ: для повышения финансовой стабильности по данному компоненту необходимо развитие рынка в целом.

Факторами снижения финансовой стабильности пенсионных систем стран Латинско-американского региона выступают:

1. Аргентина и Бразилия: рост государственного долга к ВВП.
2. Мексика: рост государственных пенсионных расходов.

При этом отмечается повышение финансовой стабильности в пенсионных системах следующих стран: Аргентина, Чили, Колумбия, Перу [5; 9; 10].

Финансовая стабильность снижается в следующих странах: Мексика и Бразилия (несмотря на повышение пенсионного возраста в Бразилии) [5; 9; 10].

«Для повышения финансовой стабильности пенсионных систем данной группы стран рекомендуется ряд направлений. В частности, Всемирным Банком:

1. Состояние налогообложения в стране.
2. Уровень инфляции.
3. Регулирование права частной собственности.
4. Состояние нормативной системы регулирования сбережений.
5. Развитие системы самозанятых» [2].

Указанные меры в большей степени носят универсальный характер и не учитывают особенности применяемой пенсионной модели.

Заключение

Развитие представленного в работе подхода позволит усовершенствовать в некоторых аспектах предыдущие способы идентификации факторов стабильности национальных пенсионных систем. Ответы на вопросы об институциональных факторах финансовой стабильности, которые способны предоставить правительству возможные новые направления реформирования пенсионных систем. В результате обобщения опыта институционального построения систем пенсионного обеспечения в странах Латинской Америки выделили три типа моделей их построения. За основу данной классификации мы взяли инструменты обеспечения финансовой стабильности данных пенсионных систем.

Модель 1. Данная модель основана на доминирующем бюджетном финансировании пенсионных и социальных выплат. Характерны для стран с высоким и достаточным уровнем бюджетной устойчивости, средним и низким уровнем развития финансового рынка. Слабо развит сектор розничных инвестиций. Существенную долю составляют инвестиции спекулятивного портфельного характера. Базовым инструментом обеспечения финансовой стабильности пенсионных систем данных стран выступает регулируемая система финансового обеспечения системы пенсионного обеспечения. Основные риски связаны с бюджетным дефицитом, деструктивными факторами на рынке труда. Данные типы систем характеризуется низкой зависимостью от состояния финансового рынка. Для рассмотренной группы стран данная модель в большей степени характерна для Бразилии.

Модель 2. Пенсионная модель приватизационного и инвестиционного типа. Характерна для стран с высокой глубиной финансового рынка: при этом модель рынка может быть как развитой, так и развивающийся. Инструменты обеспечения финансовой стабильности связаны с диверсификацией структуры допустимых инвестиционных накоплений пенсионного фонда, а также «гибкими» институциональными элементами. Данная модель соответствует пенсионной системе Чили.

Модель 3. Модель взаимодействия работодателя и работника. Для данной модели отмечается меньшая уязвимость от бюджетной устойчивости и состояния финансового рынка в стране, но сохраняется влияние рынка труда на финансовую стабильность пенсионной системы. В большей степени данная модель соответствует пенсионной системе Мексики.

Таким образом, в результате проведенного исследования выделены следующие факторы, влияющие на финансовую стильность национальных пенсионных систем латиноамериканского региона:

1) уровень развития финансового рынка – для стран, в которых в структуре инвестиционных активов преобладают пенсионные активы и страховые резервы (более 45 %), большее развитие получают накопительные элементы;

2) тип бюджетного устройства: для стран с унитарным типом бюджетного устройства результативными являются как распределительные, так и накопительные элементы, а для государств с федеративным типом бюджетного устройства большая стабильность наблюдается для элементов распределительного типа;

3) требования к назначению пенсий также выступают значимой характеристикой для обеспечения стабильности пенсионных систем. Среди таких требований можно выделить наличие фиксированного возраста выхода на пенсию, требования к минимальному стажу и накопленному пенсионному капиталу. Первые два фактора оказывают более существенное влияние на распределительные пенсионные системы, второй и третий факторы - на накопительные элементы пенсионного страхования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Биткина И. К. Влияние структурных факторов на финансовую стабильность европейских пенсионных систем // Современная Европа. 2021. № 6 (106). С. 120–132.
2. Белозёров С. А. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33. № 1. С. 51–77.
3. Исакова Г. К. Приоритетные направления реформирования системы пенсионного обеспечения в социально ориентированных странах мира // Экономика и предпринимательство. 2023. № 4 (153). С. 50–53.
4. Пудовкин А. В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: диссертация на соискание степени канд. эк. наук. Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Россия. 2017
5. Allianz Pension System Sustainability Index – 2023. URL: https://www.allianz-trade.com/en_global/news-insights/economic-insights/allianz-pension-report-2023.html (дата обращения 08.09.2024)
6. Melbourne Mercer Global Pension Index URL: <https://www.mercer.com/insights/investments/market-outlook-and-trends/mercercfa-global-pension-index/> (дата обращения 07.09.2024).
7. Mesa-Lago C., Cruz Saco M. A., Gil M. (2021) Pension coverage in Latin America: Trends and inequalities. *International Social Security Review*. Т. 74. №. 2. С. 83–104.
8. Mesa-Lago C., Valero D. (2020) The new wave of pension reforms in Latin America. *Economic challenges of pension systems: A sustainability and international management perspective*. P. 255–274.
9. Pension Markets in Focus URL: https://www.oecd.org/en/publications/pension-markets-in-focus-2023_28970baf-en.html (дата обращения 07.09.2024).
10. Solimano A. (2021) The rise and fall of the privatized pension system in Chile. – Anthem Press.

REFERENCES

1. Bitkina I. K. Vlijanie strukturnyh faktorov na finansovuju stabil'nost' evropejskih pensionnyh sistem // *Sovremennaja Evropa*. 2021. № 6 (106). S. 120–132.
2. Belozjorov S. A. Osobennosti nacional'nyh sistem pensionnogo obespechenija // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika*. 2017. T. 33. № 1. S. 51–77.
3. Isakova G. K. Prioritetnye napravlenija reformirovanija sistemy pensionnogo obespechenija v social'no orientirovannyh stranah mira // *Jekonomika i predprinimatel'stvo*. 2023. № 4 (153). S. 50–53.
4. Pudovkin A. V. Mirovoj opyt formirovanija pensionnyh sistem i vozmozhnosti ego ispol'zovanija v Rossii: dissertacija na soiskanie stepeni kand. jek. nauk. Moskovskij gosudarstvennyj universitet mezhdunarodnyh otnoshenij (MGIMO), Moskva, Rossija. 2017
5. Allianz Pension System Sustainability Index – 2023 URL: https://www.allianz-trade.com/en_global/news-insights/economic-insights/allianz-pension-report-2023.html (дата обращения 08.09.2024)
6. Melbourne Mercer Global Pension Index URL: <https://www.mercer.com/insights/investments/market-outlook-and-trends/mercera-cfa-global-pension-index/> (дата обращения 07.09.2024)
7. Mesa-Lago C., Cruz Saco M. A., Gil M. (2021) Pension coverage in Latin America: Trends and inequalities. *International Social Security Review*. T. 74. №. 2. C. 83–104.
8. Mesa-Lago C., Valero D. (2020) The new wave of pension reforms in Latin America. *Economic challenges of pension systems: A sustainability and international management perspective*. P. 255–274.
9. Pension Markets in Focus URL: https://www.oecd.org/en/publications/pension-markets-in-focus-2023_28970baf-en.html (дата обращения 07.09.2024)
10. Solimano A. (2021) The rise and fall of the privatized pension system in Chile. – Anthem Press.

Информация об авторе

Ирина Константиновна Биткина, доцент кафедры экономики и финансов, кандидат экономических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131, г. Волгоград, Российская Федерация, bitkina-ik@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1917-7570>, SPIN-код: 8253-3771, AuthorID: 640924.

Information about the Author

Irina K. Bitkina, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Gagarina str., 8, 400131, Volgograd, Russian Federation, bitkina-ik@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1917-7570>, SPIN code: 8253-3771, AuthorID: 640924.

Для цитирования: Биткина И. К. Индикаторы финансовой стабильности пенсионных систем стран Латинской Америки // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2024. № 3 (13). С. 66–76. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

PUBLIC LAW SCIENCES

УДК 331.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Светлана Михайловна Миронова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета экономической политики и развития Волгоградской области по гранту № 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

Аннотация. Введение. В настоящее время в России наблюдается кадровый дефицит, что предопределяет анализ и совершенствование нормативно-правового регулирования региональных рынков труда. С 1 января 2025 года начнется реализация национального проекта «Кадры». Регионы уже сейчас должны быть готовы к пересмотру кадровой политики и приведению своих нормативно-правовых актов в соответствие федеральному законодательству с целью эффективного регулирования региональных рынков труда. Исходя из изменений стратегических документов необходимо провести анализ правового регулирования рынка труда Волгоградской области.

Методы. Исследование строится на методе анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней (Волгоградской области), регулирующих рынок труда в России в целом, а также рынка труда Волгоградской области.

Анализ. Правовое регулирование рынка труда Волгоградской области представляет систему региональных нормативно-правовых актов, принятых на основе и в соответствии с федеральным нормативно-правовым регулированием. В эту систему входят как региональные законы, так и подзаконные нормативно-правовые акты. Особая роль отводится программным документам – Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области, а также государственной программе Волгоградской области по развитию рынка труда и обеспечению занятости.

Результаты. Следует сделать вывод о необходимости корректировки данных программных документов исходя из трендов изменения рынка труда, связанных с расширением видов занятости, появлением самозанятости и платформенной занятости, необходимости учета влияния этих изменений на трансформацию рынка труда Волгоградской области и необходимости корректировки правового регулирования.

Ключевые слова: рынок труда; региональный рынок труда; рынок труда Волгоградской области; нормативно-правовое регулирование.

UDC 331.5

LEGAL REGULATION OF THE LABOR MARKET OF THE VOLGOGRAD REGION*

Svetlana M. Mironova

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

*The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and the Committee for Economic Policy and Development of the Volgograd Region under grant No. 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

Abstract. Introduction. Currently, there is a personnel shortage in Russia, which pre-determines the analysis and improvement of the legal regulation of regional labor markets. The national project «Personnel» will begin on January 1, 2025. Regions should already be ready to revise their personnel policies and bring their legal acts into line with federal legislation in order to effectively regulate regional labor markets. Based on changes in strategic documents, it is necessary to analyze the legal regulation of the labor market of the Volgograd region.

Methods. The study is based on the method of analyzing regulatory legal acts of the federal and regional levels (Volgograd region) regulating the labor market in Russia as a whole, as well as the labor market of the Volgograd region.

Analysis. Legal regulation of the labor market of the Volgograd region is a system of regional regulatory legal acts adopted on the basis of and in accordance with federal regulatory legal regulation. This system includes both regional laws and by-laws. A special role is given to the program documents – the Strategy for the Socio-Economic Development of the Volgograd Region, as well as the state program of the Volgograd Region for the development of the labor market and employment.

Results. It should be concluded that it is necessary to adjust these program documents based on the trends in the change in the labor market associated with the expansion of types of employment, the emergence of self-employment and platform employment, the need to take into account the impact of these changes on the transformation of the labor market of the Volgograd Region and the need to adjust legal regulation.

Keywords: labor market; regional labor market; labor market of the Volgograd region; legal regulation.

Введение. Рынок труда как совокупность экономических отношений, связанных с куплей-продажей рабочей силы, играет важную роль в развитии экономики в целом. В настоящее время в Российской Федерации, с одной стороны, наблюдается, дефицит кадров и рабочей силы, что становится одним из серьезных рисков для экономики. С другой стороны, перестройка экономических процессов, под воздействием информационных технологий, развития платформенной экономики, приводит к тому, что эти процессы влияют на изменения рынка труда [6].

Рынок труда, а также региональные рынки труда, как категория, исследуется представителями экономической науки. Так, О. А. Колесникова, О. А. Зенкова определяют рынок труда как «динамичную систему, включающую в себя комплекс социально экономических отношений по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства и механизм ее самореализации, механизм спроса и предложения, функционирующий на основе информации, поступающей в виде изменений цены рабочей силы (заработной платы)» [4, с. 4]. Исходя из данного определения речь идет об отношениях, регулируемых трудовым законодательством, в который сторонами являются работник и работодатель. Это подтверждается и другими исследователями. Так, А. К. Кайдашова и др. авторы указывают, что «основу рынка труда составляют социально-экономические отношения между субъектами рынка, которые возникают по поводу комплекса разнообразных трудовых отношений» [3, с. 10]. Там же можно встретить анализ и других определений данного термина [3, с. 9-10].

Особенности регионального развития приводят к выделению региональных рынков труда, который «сочетает в себе как индивидуальные особенности отдельного региона (принадлежащие только данному региону), так и общие закономерности рыночной экономики всего общества» [3, с. 13].

К компонентам рынка труда относят юридические нормы, программы и решения [4, с. 6], что предполагает наличие широкой нормативной базы, которая позволяет обеспечивать баланс интересов работников и предпринимателей [3, с. 14].

Региональные рынки труда будут регулироваться как федеральным законодательством, которое устанавливает общие положения в области труда и занятости, так и региональными нормативно-правовыми актами, что обусловлено совместным ведением трудового законодательства между РФ и субъектами РФ в соответствии со ст. 72 Конституции РФ. Таким образом, система регионального законодательства, регулирующего региональный рынок труда будет основываться на общих положениях федеральных законов. При этом региональное нормотворчество в сфере труда практически не исследуется в рамках юридической науки, за исключением отдельных работ [5].

С 1 января 2025 года планируют начать реализацию национального проекта «Кадры», формирование паспорта национального проекта осуществляется в настоящее время. В нацпроект будут включены четыре федеральные программы, направленные на эффективное трудоустройство выпускников образовательных организаций, на поддержку работающих граждан, трансформацию их профессионального развития через институт переподготовки и повышения квалификации, повышение эффективности системы охраны труда и снижения травматизма, создание условий для предпринимательской активности и вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность. В обязательном порядке будет осуществляться кадровый прогноз кадровой потребности экономики. В регионах также рассчитывается потребность в кадрах применительно к региональным особенностям. Реализация национальных проектов играет важную роль в управлении государством в целом и его отдельных территорий [9]. Регионы уже сейчас должны быть готовы к пересмотру кадровой политики и приведению своих нормативно-правовых актов в соответствие федеральному законодательству с целью эффективного регулирования региональных рынков труда. Исходя из изменений стратегических документов необходимо провести анализ правового регулирования рынка труда Волгоградской области.

Методы. Исследование строится на методе анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней (Волгоградской области), регулирующих рынок труда в России в целом, а также рынка труда Волгоградской области. Для анализа региональной нормативно-правовой базы Волгоградской области была использована справочно-правовая система КонсультантПлюс, база Региональное законодательство. По запросу тематики «труд и занятость населения» база выдает 10153 действующих документов Волгоградской области. Не все из указанных документов полностью регулируют рынок труда, большая часть из них содержит отдельные нормы, регламентирующие те или иные вопросы (например, в Законе Волгоградской области от 18.08.1999 N 297-ОД «О мировых судьях в Волгоградской области» содержатся положения о дополнительном профессиональном образовании, в Законе Волгоградской области от 14.07.2008 N 1737-ОД «О культуре и искусстве в Волгоградской области» установлены меры социальной поддержки работников культуры и искусства Волгоградской области и др.). В рамках настоящего исследования проведен анализ основных нормативно-правовых актов Волгоградской области, регулирующих общие вопросы труда и занятости.

Проведенный анализ позволил сделать выводы о системности подхода к регулированию рынка труда Волгоградской области и необходимости пересмотра региональных стратегических документов.

Анализ. Как уже было отмечено, региональное регулирование труда и занятости в субъектах РФ будет основываться на нормах федерального законодательства. Многие федеральные нормативно-правовые акты содержат нормы, регламентирующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ по регулированию вопросов в сфере труда и занятости, принятия соответствующих нормативных актов. Такие положения можно встретить в Трудовом кодексе РФ (ст. 6), Федеральном законе от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (глава 2), Постановление Правительства РФ от 13.03.2021 N 362 «О государственной поддержке в 2024 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» и др.

Важное значение в числе нормативно-правовых актов регионального уровня, регулирующих рынок труда Волгоградской области, следует назвать стратегические и программные документы, устанавливающие общие направления развития регионального рынка труда. К таким документам, в первую очередь следует отнести Закон Волгоградской области от 28.12.2021 N 134-ОД «О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года», а также государственную программу Волгоградской области «Развитие рынка труда и обеспечение занятости в Волгоградской области» (утвержденную Постановлением Администрации Волгоградской обл. от 25.09.2017 N 503-п). Для развития как государства в целом, так и отдельных регионов важно стратегическое управление социально-экономическим развитием [1] и развитие рынка труда. При этом следует учитывать те проблемы, которые могут возникнуть при разработке субъектами РФ региональных нормативно-правовых основ стратегического управления [8].

В Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области содержится раздел 10, посвященный кадровому обеспечению Волгоградской области, включая закрепление ряда мероприятий, направленных на развитие кадрового потенциала и ликвидацию де-

фицита кадров. В тоже время не все последние актуальные вопросы федеральной повестки в области развития кадрового потенциала нашли отражения в стратегии.

В программе Волгоградской области «Развитие рынка труда и обеспечение занятости в Волгоградской области» более подробно закрепляются приоритеты и цели государственной политики в сфере реализации государственной программы, определены задачи в сфере развития рынка труда и обеспечения занятости в Волгоградской области и государственного управления Волгоградской области в указанной сфере. Данные показатели соотнесены со стратегическими приоритетами, целями и показателями государственных программ Российской Федерации.

Следующим пунктом следует назвать законы Волгоградской области, регулирующие вопросы в сфере труда и занятости на региональном уровне. К ним следует отнести: Социальный кодекс Волгоградской области; Закон Волгоградской области от 05.12.2005 N 1127-ОД «О квотировании рабочих мест для приема на работу инвалидов»; Закон Волгоградской области от 06.11.2014 N 140-ОД «О социальном обслуживании граждан в Волгоградской области»; Закон Волгоградской области от 30.10.2001 N 616-ОД «Об областной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений»; Закон Волгоградской области от 21.10.2008 N 1748-ОД «О социальном партнерстве в Волгоградской области» и др.

Особое внимание в последнее время уделяется трудоустройству молодежи, что нашло отражение в принятии отдельного Закона Волгоградской области от 06.07.2010 N 2070-ОД «О квотировании рабочих мест для отдельных категорий молодежи в Волгоградской области». Как отмечается в литературе, молодежь и молодые специалисты находятся в фокусе внимания, что вызывает необходимость дифференциации законодательства о труде и занятости населения [10]. На территории Волгоградской области принята региональная долгосрочная программа «Содействие занятости молодежи в Волгоградской области» на период до 2030 года» (утверждена Постановлением Губернатора Волгоградской обл. от 05.07.2022 N 403).

Законодатель уделяет внимание защите прав и других категорий работников, например, устанавливает дополнительные государственные гарантии занятости граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, проживающих на территории Волгоградской области (Закон Волгоградской области от 13.09.2001 N 585-ОД). В условиях СВО такие гарантии необходимы и дают дополнительную защиту военнослужащим и членам их семей.

В литературе отмечаются проблемы разграничения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти [7], а также эффективности правового регулирования отношений в сфере содействия занятости населения и социальной защиты безработных в Российской Федерации [2]. Такие проблемы могут быть решены уже на подзаконном уровне, при принятии соответствующих нормативно-правовых актов на уровне губернатора Волгоградской области, администрации Волгоградской области, комитета по труду и занятости населения Волгоградской области, комитета социальной защиты населения Волгоградской области и др.

В связи с необходимостью выхода из тени занятых на рынке труда, принимаются нормативно-правовые акты, направленные на противодействие нелегальной занятости (Постановление Администрации Волгоградской обл. от 12.08.2024 N 469-п «Об образовании межведомственной комиссии по противодействию нелегальной занятости в Волгоградской области»).

Особое внимание на федеральном уровне в последнее время уделяется платформенной занятости, поскольку данная форма занятости получает большое распространение как в России, так и в мире [11]. В проекте Федерального закона «О занятости» планировалось закрепить понятие платформенной занятости с необходимостью регулирования данного вопроса отдельным федеральным законом. В тоже время в итоговый документ, подписанный Президентом РФ, данное понятие не вошло. В настоящий момент закон о платформенной занятости находится в стадии разработки и общественного обсуждения, поскольку вызывает множество вопросов среди участников данных правоотношений с точки зрения баланса соблюдения прав всех субъектов. При этом следует признать необходимость скорейшего регулирования данного вопроса на законодательном уровне и принятия федерального закона, поскольку число граждан, занятых на условиях платформенной занятости растет, а их права (трудовые и социальные) остаются не до конца защищенными. В регионах также растет число платформенных занятых. Например, в Волгоградской области строительство крупного логистического комплекса Вайлдберриз дало возможность создать дополнительно 5 тысяч рабочих мест. В тоже время не всегда работники в таких случаях принимаются на условиях трудовых договоров, зачастую их оформляют как самозанятых – плательщиков налога на профессиональный доход. В этом случае трудовое законодательство на таких работников не распространяется. Возникает вопрос, каким образом учитывать таких работников при подсчете показателей регионального рынка труда?

Анализ региональных нормативно-правовых актов Волгоградской области, включая Стратегию социального-экономического развития и государственную программу по развитию рынка труда, показывает, что в данных нормативно-правовых актах никак не учитываются особенности развития рынка труда с учетом платформенной занятости. Единственное упоминание платформ можно найти в контексте использования Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Тем не менее нельзя упускать из виду и оставлять без нормативно-правового регулирования и правовой защиты таких работников. С одной стороны, в отсутствие единого нормативного регулирования платформенной занятости на федеральном уровне приводит к тому, что регионам сложно предлагать свои варианты решения этого вопроса. С другой стороны, как минимум в стратегических и программных документах должны быть предусмотрены мероприятия, направленные на развитие платформенной занятости в субъекте РФ и обеспечение баланса прав сторон таких правоотношений.

Результаты. Правовое регулирование рынка труда Волгоградской области представляет систему региональных нормативно-правовых актов, принятых на основе и в соответствии с федеральным нормативно-правовым регулированием. В эту систему входят как региональные законы, так и подзаконные нормативно-правовые акты. Особая роль отводится программным документам – Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области, а также государственной программе Волгоградской области по развитию рынка труда и обеспечению занятости. Следует сделать вывод о необходимости корректировки данных программных документов исходя из трендов изменения рынка труда, связанных с расширением видов занятости, появлением самозанятости и платформенной занятости, необходимости учета влияния этих изменений на трансформацию рынка труда Волгоградской области и необходимости корректировки правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев О. Ю. Стратегическое управление социально-экономическим развитием: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2024. N 4. С. 21–29.
2. Гусева Т. С., Клепалова Ю. И. Проблемы эффективности правового регулирования отношений в сфере содействия занятости населения и социальной защиты безработных в Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. N 8. С. 54–69.
3. Кайдашова А. К., Сизганова Е. Ю., Рачкова А. В. Рынок труда Владимирской области: состояние, проблемы, механизмы регулирования: монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 118 с.
4. Колесникова О. А. Зенкова О. А. Рынок труда: теория и практика: учебное пособие. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. 72 с.
5. Курушин А. А. Проблемы регионального нормотворчества в сфере труда (на примере Ульяновской области) // Социальное и пенсионное право. 2006. № 1.
6. Миронова С. М. Трансформация занятости в России в условиях гиг-экономики: перспективы правового регулирования // Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях гиг-экономики: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 18–19 мая 2023 года. Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2023. С. 64–68.
7. Нуртдинова А. Ф. Трудовое законодательство: проблемы разграничения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003.
8. Пещеров Ю. Г., Пещеров Г. И. Проблема разработки регионами страны рациональных нормативно-правовых основ стратегического управления // Административное право и процесс. 2024. N 5. С. 50–52.
9. Садовская Т. Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // Финансовое право. 2022. N 8. С. 11–16.
10. Серова А. В. Направления дифференциации законодательства о труде и занятости населения: в фокусе внимания молодежь и молодые специалисты // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 5. С. 61–71.
11. Томашевский К. Л. Правовые аспекты меры и охраны труда платформенных занятых (опыт зарубежных стран) // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. N 3. С. 49–52.

REFERENCES

1. Boldyrev O. Ju. Strategicheskoe upravlenie social'no-jekonomicheskim razvitiem: konstitucionno-pravovye aspekty // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2024. N 4. S. 21–29.
2. Guseva T. S., Klepalova Ju. I. Problemy jeffektivnosti pravovogo regulirovanija otnoshenij v sfere sodejstvija zanjatosti naselenija i social'noj zashhity bezrabotnyh v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. N 8. S. 54–69.
3. Kajdashova A. K., Sizganova E. Ju., Rachkova A. V. Rynok truda Vladimirskoj oblasti: sostojanie, problemy, mehanizmy regulirovanija: monografija. Vladimir: Vladimirskij filial RANHiGS, 2020. 118 s.

4. Kolesnikova, O. A., Zenkova O. A. Rynok truda: teorija i praktika: uchebnoe posobie. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 2023. 72 s.
5. Kurushin A. A. Problemy regional'nogo normotvorchestva v sfere truda (na primere Ul'janovskoj oblasti) // Social'noe i pensionnoe pravo. 2006. № 1.
6. Mironova S. M. Transformacija zanjatosti v Rossii v uslovijah gig-jekonomiki: perspektivy pravovogo regulirovanija // Transformacija pravovogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij v uslovijah gig-jekonomiki: Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Volgograd, 18–19 maja 2023 goda. Volgograd: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Sfera», 2023. S. 64–68.
7. Nurtdinova A. F. Trudovoe zakonodatel'stvo: problemy razgranichenija polnomochij mezhdru federal'nymi i regional'nymi organami gosudarstvennoj vlasti // Podgotovlen dlja sistemy Konsul'tantPljus, 2003.
8. Peshherov Ju. G., Peshherov G. I. Problema razrabotki regionami strany racional'nyh normativno-pravovyh osnov strategicheskogo upravlenija // Administrativnoe pravo i process. 2024. N 5. S. 50–52.
9. Sadovskaja T. D. Nacional'nye proekty: ot upravlencheskih reshenij do dokumenta strategicheskogo razvitija // Finansovoe pravo. 2022. N 8. S. 11–16.
10. Serova A. V. Napravlenija differenciacii zakonodatel'stva o trude i zanjatosti naselenija: v fokuse vnimanija molodezh' i molodye specialisty // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. N 5. S. 61–71.
11. Tomashevskij K. L. Pravovye aspekty mery i ohrany truda platformennyh zanjatyh (opyt zarubezhnyh stran) // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2023. N 3. S. 49–52.

Информация об авторе

Светлана Михайловна Миронова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, улица Гагарина, д. 8, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, mironova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773.

Information about the Author

Svetlana M. Mironova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Gagarin Street, 8, 400005, Volgograd, Russian Federation, mironova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773.

Для цитирования: Миронова С. М. Правовое регулирование рынка труда Волгоградской области // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 78–85. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

УДК 347

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СФЕРУ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

Максим Сергеевич Ситников

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Сегодняшняя цифровая повестка дня включает в себя большой спектр вопросов, на которые необходимо дать ответы ученым-правоведам. Одним из наименее изученных в данном случае является сфера конвергенции права и метавселенной. Поскольку направление метавселенных с каждым годом получает новые витки развития, то пропорционально возрастает необходимость в правовом (прежде всего, публично-правовом) исследовании феномена «метавселенная». В рамках настоящей работы автором кратко изложены основания установления публично-правового регулирования сектора метавселенных.

Методы. Исследование основывается на следующей системе методов: анализ, синтез, системный подход, а также специально-юридический метод.

Анализ. Проведенный анализ необходимой информации позволил систематизировать основания установления публично-правового регулирования сферы метавселенных на две группы: основания, связанные с обеспечением национальной безопасности, и основания, способствующие развитию направления метавселенных на благо социально-экономического развития государства.

Заключение. По итогам настоящего исследования автором обосновывается публично-правовая необходимость развития сферы метавселенных в России, вызванная требованиями концепции цифрового суверенитета.

Ключевые слова: метавселенная и право, правовое регулирование области метавселенных, безопасность метавселенной, возможности метавселенной, цифровое право, право виртуальных миров, развитие метавселенных.

UDC 347

PUBLIC LAW REASONS FOR INTERVENTION IN THE AREA OF THE METAVERSE

Maksim S. Sitnikov

Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Today's digital agenda includes a wide range of questions that legal scholars need to answer. One of the least studied in this case is the area of convergence of law and the metaverse. Since the direction of metaverses receives new rounds of development every year, the need for legal (primarily public-law) research of the phenomenon of «metaverse» increas-

es proportionally. In this work, the author briefly outlines the reasons for establishing public-law regulation of the metaverse sector.

Methods. The study is based on the following system of methods: analysis, synthesis, systems approach, and a special legal method.

Analysis. The conducted analysis of the necessary information allowed us to systematize the reasons for public-legal regulation of the metaverse sphere into two groups: reasons related to ensuring national security, and reasons that contribute to the development of the metaverse direction for the benefit of the socio-economic development of the state.

Conclusion. Based on the results of this study, the author substantiates the public-legal need for the development of the metaverse sphere in Russia, caused by the requirements of the concept of digital sovereignty.

Keywords: metaverse law, legal regulation of the metaverse area, metaverse security, metaverse capabilities, digital law, law of virtual worlds, development of metaverses.

Введение. Непрерывное и всестороннее наблюдение за феноменом «метавселенная» свидетельствует о том, что в течение прошедшего трехлетнего периода отношение к этому объекту менялось. Так, например, на первых порах всемирного ажиотажа к метавселенной многие небезызвестные мировые компании инвестировали большие средства в это направление: в частности, Sony – 200 000 000 долларов, Microsoft – более 68 000 000 долларов [17]. Вместе с тем в начале 2023 г. эксперты в области игровой индустрии предрекли, что концепция метавселенной вряд ли когда-либо будет полноценно реализована, а успешность существующих проектов крайне низка: Fortnite – 14 %, Roblox – 5 %, Google – 3 % [8].

В современных реалиях можно говорить о некоторой устойчивой стабильности в развитии метавселенных. Поскольку существующие проекты метавселенных пользуются внушительным спросом, о чем свидетельствуют статистические данные (об этом будет сказано чуть позже), то перед государством формируется вызов – обеспечить безопасность метавселенных, что возможно сделать через механизмы публично-правового характера. В этой связи учеными со всего мира исследуются вопросы симбиоза права и метавселенных в таких областях как, например, налоги [15] и финансы [2], права человека [4], защита персональных данных [13].

Несмотря на ежегодно разрастающийся массив литературы о конвергенции публичного права и метавселенной, довольно редко затрагиваются вопросы о причинах вмешательства публичного права в область метавселенных. При этом ученые-правоведы в унисон утверждают, что развитие метавселенных уже сегодня затрагивает разнообразные аспекты публично-правового профиля. Представляется, что, прежде чем выявлять конкретные перспективы публично-правового регулирования при дальнейшей интеграции направления метавселенных в жизнедеятельность общества, необходимо определиться с исходными основаниями установления такой регуляции.

Методология. Исследование основывается на следующей системе методов: анализ, синтез, системный подход, а также специально-юридический метод.

Анализ. По мнению автора данной работы, главная причина сводится к обеспечению безопасности. Речь идет, безусловно, о концепции национальной безопасности, так как развитие метавселенных затрагивает функционирование национальных интересов. Еще в ноябре

2021 г. Президент России заявил, что деятельность государства должна предполагать защиту человека внутри виртуального пространства – метавселенной [7]. В Российской Федерации действует стратегия национальной безопасности (Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 [11]), согласно положениям которой под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Содержание стратегии включает в себя разные виды национальной безопасности: военная, государственная, экологическая, экономическая и информационная. Представляется, что развитие сектора метавселенных, в большей степени, затрагивает только два последних вида – информационная безопасность и экономическая безопасность. Дефиниция экономической безопасности закреплена стратегией экономической безопасности (Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 [10]), где под таковой понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Связь экономической безопасности и отрасли метавселенных обуславливается неконтролируемым движением капитала внутри этих виртуальных пространств, влияющих на уклад экономических отношений в мире физическом. В большей степени это касается вопросов налогообложения. В этой связи весьма интересным представляется исследование К. Ким, которая отмечает, что при отсутствии регуляции метавселенных они постепенно станут полноценным «налоговым оазисом» [16, с. 60]. С данной позицией стоит согласиться. В современных реалиях успешно функционируют платформы, часто называемые метавселенными, которые дают возможность пользователям скрывать свои доходы путем оборота валюты конкретной платформы с последующей ее конвертацией в криптовалюту. Таким образом, можно говорить о том, что дальнейший рост метавселенных способствует развитию такого феномена как «теневая экономика», что, безусловно, подрывает основы экономической безопасности. Кроме того, такое положение дел вторично затрагивает и другую не менее важную сферу деятельности – противодействие финансированию терроризма и экстремизма.

Крайне интересно дело обстоит с концепцией информационной безопасности, которая согласно положениям доктрины информационной безопасности (Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 [9]), понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства. Значимость обеспечения безопасного информационного пространства объясняется возрастным критерием пользователей существующих проектов метавселенных. В данном случае очень интересно исследование компании «Maff», где отмечается, что в подавляющем большинстве аудиторию метавселенных составляют молодежь и дети поколения «Z» и «Альфа». На платформе «Roblox» месячный объем пользователей превышает 350 млн. человек, возраст кото-

рых исчисляется в промежутке от 9 до 25 лет. Более скромные цифры показывает проект «Decentraland»: количество пользователей в месяц равняется 23 тыс. чел. со средним возрастом 25 лет. Что касается «Spatial», то здесь стоит сказать, что его использование характерно только для конкретных мероприятий. Средний возраст пользователя платформы «Spatial» – 24 года [6].

Сегодняшняя наука пестрит исследованиями, в том числе, междисциплинарными, посвященными воздействию получаемой из вне информации на мировоззрение молодого поколения. Относительно метавселенной высказывается позиция, что главная угроза дальнейшей интеграции технологии метавселенной сводится к деградации системы ценностей и морали в виртуальном мире. Это грозит катастрофическими последствиями для мира физического [1, с. 10]. Вряд ли есть основания вступать в дискуссию касательно обозначенной позиции. Метавселенная постепенно становится глобальной информационной площадкой, которая никоим образом не имеет какого-то регулирования. В этой связи метавселенную можно рассматривать как инструмент информационного влияния. Ввиду полного отсутствия регулирования сферы метавселенной она может превратиться в настоящую угрозу для концепции информационной безопасности государства.

Стоит заметить, что вопрос информационной безопасности метавселенных находит свое практическое воплощение. В качестве примера можно привести игровую платформу Roblox, функционирование которой с недавнего времени запрещено на территории Турции по причине деструктивного контента, связанного с эксплуатацией детей. Один из высокопоставленных чиновников в этой связи заявил, что страна не допустит действий, подрывающих социальную структуру, способствующих насилию и негативно влияющих на развитие детей [19]. Нельзя не допускать, что для российского общества этот вопрос не менее важен, поскольку с каждым годом наблюдается рост молодой аудитории метавселенных из России.

Исходя из вышесказанного создается впечатление, что для целей обеспечения безопасности было бы верным решением поставить крест на всех проектах метавселенных. Вместе с тем следует заметить, что «другая сторона медали» сектора метавселенных таит в себе большие возможности. В рамках данного исследования можно остановиться, пожалуй, на двух наиболее обсуждаемых из них. Первая связывается с областью образования. На сегодняшний день тестируется технология метавселенной для образовательных целей. Это касается деятельности Токийского университета, где запущен проект «Metaverse School of Engineering». В рамках данного проекта некоторые программы по направлению инженерного искусства осваиваются в виртуальных аудиториях. Кроме этого, платформа позволяет провести общую экскурсию по университету [20]. Также в Японии с недавнего времени запущен другой проект – Yushi International High School, предполагающий полноценное иммерсионное обучение в коллаборации с культурой страны. Речь идет об аниме формате [21]. Безусловного внимания заслуживает опыт Гонконгского университета с похожим на Metaverse School of Engineering проектом. Представители организации убеждены, что в ближайшем будущем многие университеты мира будут использовать технологию метавселенной [5]. Нельзя обойти стороной и Россию. Интересным выглядит модель метавселенной «КоМета» от российской компании «Сбер» [6], где, помимо всего прочего, проходят образовательные мастер классы.

Конечно же, пока не все из этих платформ предполагают полноценный иммерсивный формат доступа. Здесь следует учитывать тот фактор, что в целом этот инструмент пока не имеет широкого распространения. Однако в современных реалиях есть все основания предполагать, что в недалеком будущем VR-гарнитура станет обыденной вещью человека подобно смартфону.

Образовательный контекст метавселенной не остается без внимания ученых. Весьма обосновано мнение турецких специалистов, которые отмечают, что пока технология метавселенной не получила должного воплощения, необходимо уже сегодня задуматься над стратегиями ее интеграции в образовательный процесс [15, с. 180]. Коллектив азиатских исследователей выявил ряд преимуществ образовательного процесса в метавселенной – в том числе, иммерсивность (полное погружение в обучение), визуализация (возможность лицезреть и взаимодействовать с объектами обучения), низкие издержки на обучение, география обучения (возможность получения образования из любой точки мира), возможность совершенствования персонального подхода в обучении [17, с. 2862]. Другие ученые делают акцент на то обстоятельство, что в связи с проникновением технологии метавселенных усилится роль и важность преподавателя в части получения новых навыков и компетенций [4, с. 19].

Другая возможность метавселенной, прорабатываемая теорией и практикой, заключается в адаптации сервиса получения государственных услуг. Речь идет о возможности получения государственной услуги в условиях метавселенной. Может показаться, что даже на гипотетическом уровне данная идея выглядит слишком уж фантастической. Вместе с тем стоит сказать, что это направление в настоящее время находится на стадии практического тестирования. Дело в том, что политика ряда стран направлена на создание собственных национальных метавселенных. Особо примечательны достижения Южной Кореи, где запущена модель метавселенной «Metaverse Seoul», в которую интегрирован сервис государственных услуг [19].

Безусловно, и сфера образования, и сфера государственных услуг в метавселенных требуют выработки соответствующего законодательства публично-правового профиля. Наличие явного потенциала технологии метавселенной позволяет говорить, что наряду с публично-правовыми основаниями, связанными с обеспечением безопасности государства, имеются основания, обусловленные благоприятным воздействием метавселенных на жизнедеятельность общества.

Заключение. В современных обстоятельствах политика многих стран строится по пути обеспечения собственного цифрового суверенитета, поскольку, как отмечается, цифровые технологии выступают критически важным национальным ресурсом [1, с. 8]. Поскольку направление метавселенной обладает полезным для государства потенциалом, то, по всей видимости, дальнейшее развития сферы метавселенных будет идти по пути создания национальных метавселенных. Об этом свидетельствует не только опыт Южной Кореи, но и других стран, к числу которых можно отнести, в том числе, Китай и Объединенные Арабские Эмираты.

Дабы не утратить позиции в развитии сектора цифровой экономики, в России необходимо создать необходимые условия для отрасли метавселенных. Это позволит не только противодействовать угрозам, вызванным интеграцией метавселенных, но и использовать эту технологию в соответствии с национальными интересами. В связи с этим в качестве главной

публично-правовой перспективы развития метавселенных в России можно выделить, прежде всего, стратегию по развитию метавселенных. Таким образом, уже сегодня стоит задуматься не о нуждаемости в этом документе, а о его содержании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володенков С. В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №. 4. С. 3–11.
2. Гуров О. Н., Конькова Т. А. Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. 2022. Т. 17, № 1.
3. Ситников М. С. Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных / М. С. Ситников // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 200–220.
4. Сори́на Г. В. и др. Метавселенная и проблемы современного образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. №. 3. С. 9–23.
5. Как мало мы знаем о метавселенных: статистика и факты / Maff.io. URL: https://maff.io/media/metaverse_statistics/?ysclid=m0owvklghq336456987 (дата обращения: 06.09.2024).
6. КоМета Виртуальный коворкинг Сбера для молодых предпринимателей. URL: <https://cometa.sberclass.ru/> (дата обращения: 06.09.2024).
7. Кто сидит в метавселенных? Целевая аудитория разных платформ/ Maff.io. URL: https://www.maff.io/media/audience_metaverse/ (дата обращения: 06.09.2024).
8. Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb> (дата обращения: 06.09.2024).
9. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, № 50, ст. 7074.
10. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902.
11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
12. Chen Z. et al. Metaverse security and privacy: An overview // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). IEEE, 2022. С. 2950–2959.
13. Cobansoy Hizel G. Metaverse and Human Rights: Do We Need Metaversal Declaration of Human Rights? // Metaverse: Technologies, Opportunities and Threats. Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. С. 219–229.
14. GDC 2023 State of the Game Industry: Devs Weigh in on the Metaverse, Player Toxicity, and More. URL: <https://gdconf.com/news/gdc-2023-state-game-industry-devs-weigh-metaverse-player-toxicity-and-more> (дата обращения: 06.09.2024).

15. Inceoglu M. M., Ciloglulugil B. Use of Metaverse in education // International conference on computational science and its applications. Cham : Springer International Publishing, 2022. С. 171–184.
16. Kim Y. R. C. Taxing the Metaverse. 2023.
17. Lin H. et al. Metaverse in education: Vision, opportunities, and challenges // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). IEEE, 2022. С. 2857–2866.
18. MetaHKUST: Hong Kong University To Build World's First Metaverse Campus. URL: <https://nftevening.com/metahkust-hong-kong-university-metaverse-campus/> (дата обращения: 06.09.2024).
19. Metaverse Seoul – правительство Южной Кореи запустило долгожданную метавселенную с «госуслугами» и офисами брендов / Rb.ru. URL: <https://rb.ru/longread/metaverse-seoul/?ysclid=m0nzbipyntw300923719> (дата обращения: 06.09.2024).
20. Why Did Turkey Ban Roblox? Reason Explained / Yahoo. URL: <https://www.yahoo.com/news/why-did-turkey-ban-roblox-131350229.html> (дата обращения: 06.09.2024).
21. バーチャル東大で遊ぶ. URL: <https://vr.u-tokyo.ac.jp/virtualUT/#3> (дата обращения 06.09.2024).
22. 日本初の「3Dアバターでメタバース教室に通う」通信制高校が登場、4月入学・転入生を募集中。全員にVR機器を無償貸与、授業では大学・専門学校レベルのプログラミング・CG制作も学べる. URL: <https://news.denfaminicogamer.jp/news/240110g> (дата обращения: 06.09.2024).

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. Fenomen cifrovogo suvereniteta sovremennogo gosudarstva v usloviyax global'ny`x texnologicheskix transformacij: sodержanie i osobennosti // Zhurnal politicheskix issledovanij. 2020. T. 4. № 4. S. 3–11.
2. Gurov O. N., Kon`kova T. A. Metavselenny`e dlya cheloveka ili chelovek dlya metavselenny`x // Iskusstvenny`e obshhestva. 2022. T. 17, № 1.
3. Sitnikov M. S. Finansovo-pravovoe razvitie obshhestvenny`x otnoshenij s ispol`zovaniem cifrovyy`x valyut v metavselenny`x / M. S. Sitnikov // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. T. 2, № 1. S. 200–220.
4. Sorina G. V. i dr. Metavselennaya i problemy` sovremennogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. №. 3. S. 9–23.
5. Kak malo my` znaem o metavselenny`x: statistika i fakty` / Maff.io. URL: https://maff.io/media/metaverse_statistics/?ysclid=m0owvklghq336456987 (data obrashheniya: 06.09.2024).
6. KoMeta Virtual'ny`j kovorking Sbera dlya molody`x predprinimatelej. URL: <https://cometa.sberclass.ru/> (data obrashheniya: 06.09.2024).
7. Kto sidit v metavselenny`x? Celevaya auditoriya razny`x platform/ Maff.io. URL: https://www.maff.io/media/audience_metaverse/ (data obrashheniya: 06.09.2024).

8. Putin zayavil o dolge vlastej zashhishhat` avatary` rossiyan v metavselenny`x / RBK. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb> (data obrashheniya: 06.09.2024).
9. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny` informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF, 12.12.2016, № 50, st. 7074.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 g. № 208 «O Strategii e`konomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel`stva RF, 15.05.2017, № 20, st. 2902.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF, 05.07.2021, № 27 (chast` II), st. 5351.
12. Chen Z. et al. Metaverse security and privacy: An overview // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). IEEE, 2022. S. 2950–2959.
13. Cobansoy Hizel G. Metaverse and Human Rights: Do We Need Metaversal Declaration of Human Rights? // Metaverse: Technologies, Opportunities and Threats. Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. S. 219–229.
14. GDC 2023 State of the Game Industry: Devs Weigh in on the Metaverse, Player Toxicity, and More. URL: <https://gdconf.com/news/gdc-2023-state-game-industry-devs-weigh-metaverse-player-toxicity-and-more> (data obrashheniya: 06.09.2024).
15. Inceoglu M. M., Ciloglugil B. Use of Metaverse in education // International conference on computational science and its applications. Cham : Springer International Publishing, 2022. S. 171–184.
16. Kim Y. R. C. Taxing the Metaverse. 2023.
17. Lin H. et al. Metaverse in education: Vision, opportunities, and challenges // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). IEEE, 2022. S. 2857–2866.
18. MetaHKUST: Hong Kong University To Build World's First Metaverse Campus. URL: <https://nftevening.com/metahkust-hong-kong-university-metaverse-campus/> (data obrashheniya: 06.09.2024).
19. Metaverse Seoul – pravitel`stvo Yuzhnoj Korei zapustilo dolgozhdannuyu metavselennyuyu s «gosuslugami» i ofisami brendov / Rb.ru. URL: <https://rb.ru/longread/metaverse-seoul/?ysclid=m0nzbiypnw300923719> (data obrashheniya: 06.09.2024).
20. Why Did Turkey Ban Roblox? Reason Explained / Yahoo. URL: <https://www.yahoo.com/news/why-did-turkey-ban-roblox-131350229.html> (data obrashheniya: 06.09.2024).
21. バーチャル東大で遊ぶ. URL: <https://vr.u-tokyo.ac.jp/virtualUT/#3> (data obrashheniya: 06.09.2024).
22. 日本初の「3Dアバターでメタバース教室に通う」通信制高校が登場、4月入学・転入生を募集中。全員にVR機器を無償貸与、授業では大学・専門学校レベルのプログラミング・CG制作も学べる. URL: <https://news.denfaminicogamer.jp/news/240110g> (data obrashheniya: 06.09.2024).

Информация об авторе

Максим Сергеевич Ситников, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, пр-т Университетский, д. 100, 40062, г. Волгоград, Российская Федерация, c_i_c_e_r_o@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7769-0295, SPIN-код: 1858-3641, AuthorID: 1133559.

Information about the Author

Maxim S. Sitnikov, Postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Universitetskiy Ave., 100, 40062, Volgograd, Russian Federation, c_i_c_e_r_o@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7769-0295, SPIN-код: 1858-3641, AuthorID: 1133559.

Для цитирования: Ситников М. С. Публично-правовые основания вмешательства в сферу метавселенных // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 86–94. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Юлия Игоревна Козаренко

Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются основные проблемы преступности в отношении несовершеннолетних в сети «Интернет», риски и угрозы совершения отдельных видов преступлений и их профилактика.

Методы. Для исследования преступности в отношении несовершеннолетних в сети «Интернет» в России применялись различные методы, которые позволяют получить комплексное представление о проблеме и выработать эффективные рекомендации. Используемый метод юридического анализа позволит сделать вывод о действующем уголовном законодательстве и правоприменительной практике в области защиты прав несовершеннолетних в сети «Интернет».

Анализ. Анализ преступности в отношении несовершеннолетних основывается на осмыслении уголовно-правовых норм и практики привлечения к уголовной ответственности. Проведенное анкетирование позволило выявить недостаточную осведомленность родителей несовершеннолетних о мерах безопасности в сети «Интернет».

Результаты. Выявлены недостатки в предупреждении совершения преступлений в отношении несовершеннолетних в сети «Интернет» и выработаны рекомендации по повышению мер безопасности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступление, меры безопасности, профилактика, родительский контроль.

UDC 343.9

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF JUVENILE CRIME ON THE INTERNET

Yulia I. Kozarenko

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the main problems of juvenile crime on the Internet, the risks and threats of committing certain types of crimes and their prevention.

Methods. To study juvenile crime on the Internet in Russia, various methods were used that allow us to obtain a comprehensive understanding of the problem and develop effective recommendations. The method of legal analysis used will allow us to draw a conclusion about the current criminal legislation and law enforcement practice in the field of protecting the rights of minors on the Internet.

Analysis. The analysis of juvenile crime is based on the understanding of criminal law norms and the practice of bringing to criminal responsibility. The survey revealed insufficient awareness of minors' parents about safety measures on the Internet.

Results. Shortcomings in preventing crimes against minors on the Internet were identified and recommendations for improving safety measures for minors were developed.

Keywords: minors, crime, safety measures, prevention, parental control.

Введение

Для информационного общества важнейшими особенностями является наличие высокой степени развития информационно-коммуникационных технологий, а также широкий спектр их использования различными субъектами, как гражданами государства, так и органами государственной власти в целом.

Развитие информационных технологий сопровождается появлением новой категории общественных отношений и их правовом регулировании. Правовое регулирование предполагает создание нормативных правовых актов, которые бы регламентировали такие важнейшие аспекты, как защита конфиденциальных данных в цифровом пространстве. Интернет-пространство часто используется для сбора персональных данных, включая информацию о местоположении, интересах и привычках. Несовершеннолетние могут непреднамеренно раскрывать личные данные, что создает риск для их безопасности и конфиденциальности. Защита от кражи данных и нарушения приватности помогает предотвратить использование этой информации в преступных целях.

Исследование преступности в отношении несовершеннолетних в сети «Интернет» в России имеет высокую актуальность, так как оно затрагивает вопросы безопасности детей, профилактики и борьбы с преступностью, а также правового регулирования в условиях стремительно меняющегося цифрового мира.

Методы. При проведении исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, обобщение. Использование социологических опросов и анкетирования позволило собрать объем данных, получить представление об уровне осведомленности родителей и законных представителей несовершеннолетних и отношении к онлайн-угрозам.

Анализ. Несмотря на наличие законодательства, направленного на защиту детей в сети «Интернет», в России остаются проблемы с его реализацией. Кроме того, интернет-пространство развивается быстрее, чем законодатель успевает адаптировать нормативные акты к новым вызовам. Необходимость в совершенствовании правовых норм и поиска путей эффективных мер профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних подчеркивает актуальность исследования.

В последние годы наблюдается значительное увеличение времени, которое несовершеннолетние проводят в сети «Интернет». Интернет стал неотъемлемой частью их жизни для учебы, общения, развлечений и получения информации. С другой стороны, доступность сети «Интернет» несет и определенные риски для несовершеннолетних, как для более уязвимой категории населения. Несовершеннолетние в силу своего возраста не могут оценить степень опасности и предвидеть возможные негативные последствия своего поведения.

Повышается риск совершения таких преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационных технологий, сети «Интернет» как мошенничество, распространение порнографических материалов, вовлечение в опасные сообщества (например, связанные с суицидом или экстремизмом) и т.д. Несовершеннолетние в сети «Интернет» могут столкнуться с издевательствами, запугиванием, преследованием, они могут стать объектом сексуального удовлетворения либо быть использованы в производстве, распространении детской порнографии или материалов, изображающих сексуальное насилие над детьми, которые могут нанести вред их физическому или психологическому здоровью. Несовершеннолетние становятся целью для преступников из-за их недостаточного опыта, доверчивости и ограниченной способности распознавать опасные ситуации, отсутствия правовой культуры.

В сети «Интернет» в отношении несовершеннолетних в России совершается широкий спектр преступлений, который охватывает как традиционные виды преступлений, адаптированные к цифровой среде, так и новые формы правонарушений, характерные именно для интернет-пространства.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, основные цели государственной политики в отношении несовершеннолетних заключаются в создании правовой базы для гарантирования прав несовершеннолетних, поддержке их физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития; воспитание патриотизма и гражданской ответственности, а также социальная адаптация несовершеннолетних, их личностного развития в интересах общества. Повышенное внимание уделяется защите детей от воздействия негативных факторов, которые способны повлиять на их становление. Таким образом, структура прав и свобод ребенка, отражена в Конституции РФ, и в последующем формируется в федеральном законодательстве. Защита несовершеннолетних от угроз в сети «Интернет» является критически важной для обеспечения их благополучного развития, психического и физического здоровья, а также для защиты их прав и свобод. Защита прав несовершеннолетних от любого негативного воздействия обеспечивается в том числе, уголовно-правовыми средствами.

Е. В. Михайлова приводит данные мониторинга, которые свидетельствуют о том, что «каждый пятый ребенок, проводящий время в online-чатах, подвергается сексуальному домогательству, а 70 % преступников, осужденных по преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией детей, использовали в своих намерениях Интернет» [4, с. 190].

Совершение в отношении несовершеннолетнего понуждения к действиям сексуального характера с использованием, в том числе, сети «Интернет» (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ) является преступлением, обладающим высокой степенью общественной опасности ввиду высокой вероятности причинения значительного вреда здоровью и психике несовершеннолетнего, сложности в пресечении таких преступлений, тяжестью последствий и большому кругу лиц, подвергающихся вероятности причинения вреда.

Интернет обеспечивает преступнику легкий доступ к потенциальным жертвам. Несовершеннолетние часто не осознают всех рисков общения с незнакомцами в сети, что делает их уязвимыми к манипуляциям и угрозам. На несовершеннолетних преступник может оказывать психологическое давление, что приведет к серьезным эмоциональным и психическим травмам. Виртуальная среда предоставляет субъекту преступления возможности скрывать свою личность и местоположение, что затрудняет обнаружение и привлечение к ответственности. В большинстве случаев несовершеннолетние боятся сообщать родителям о таких случаях из-за стыда, страха или опасений дальнейших угроз. Использование сети «Интернет» позволяет преступникам собирать информацию о жертве, ее семье и друзьях, что облегчает шантаж, например, распространением личных данных или фотографий, если несовершеннолетний не выполнит требований.

В п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ предусмотрен особо квалифицирующий признак – совершение понуждения к действиям сексуального характера «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"». Этот признак характеризует средство совершения преступления, которое способно облегчить его совершение и повысить его общественную опасность. Анонимность преступника облегчает совершение половых преступлений, а широкий охват потенциальных жертв усиливает общественную опасность.

Развратные действия в сети «Интернет» в отношении несовершеннолетних являются также опасными из-за их психологического воздействия, легкости совершения, сложности пресечения и потенциальной эскалации преступной активности. Совершение развратных действий в сети «Интернет» может повлиять на формирование сексуальных предпочтений и поведения несовершеннолетнего в будущем, воспринимать аномальные и вредные для здоровья сексуальные установки как норму.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ выражается в совершении развратных действий без применения насилия в отношении лица, которое не достигло возраста 16 лет. Признаками развратных действий являются: наличие сексуального интереса взрослого; совершаемые действия не являются половым сношением, актом мужеложства и лесбиянства; цель действий – возбуждение полового интереса несовершеннолетнего.

Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», развратные действия, в том числе с ис-

пользованием сети «Интернет» [6], могут быть совершены и без физического контакта с телом потерпевшего.

Как замечают А. В. Барсукова, Д. В. Зуев, «анализ судебной практики показывает, что типичными физическими развратными действиями являются обнажение половых органов виновного или потерпевшего лица, прикосновения к ним, ощупывание, принятие непристойных форм, совершение непристойных жестов, полового акта и иных действий сексуального характера в присутствии несовершеннолетнего и т.п. Типичными развратными действиями интеллектуального характера являются демонстрация порнографических материалов, предметов, аудио-, кино- или видеозаписей, изображений порнографического характера, ведение бесед на темы сексуального характера и т. д.» [1, с. 145].

Например, N., совершил развратные действия в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста путем осуществления в социальной сети переписки с девочкой, проживающей в другом городе, и направления ей видеоизображений и изображений формата «.gif» порнографического содержания. Северский городской суд Томской области признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ [5].

Статья 151.2. «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» была введена в Уголовный кодекс в 2017 году. Ст. 151.2 УК РФ охватываются действия по вовлечению в участие в различные молодежные движения, таких как трайнерфинг, руфинг, зацепинг и др., то есть в опасные занятия, осуществляемые путем обещаний славы, лайков и просмотров в сети Интернет и др. Трайнерфинг – езда на крыше поезда. Трайнерферы используют социальные сети, чтобы общаться друг с другом, а также организовывать поездки на поездах небольшими группами. Зацепинг – разновидность трайнерфинга, проезд на поезде, держась за различные элементы поезда – подножки, поручни. Руфинг – посещение крыш различных высотных зданий и строений с выполнением акробатических трюков.

Отметим, что трайнерфинг, руфинг и прочее являются оценочными понятиями, то есть круг противоправных действий не ограничивается указанными в пояснительной записке к законопроекту, которым ст. 151.2 УК РФ была введена. В этой связи правоприменители сталкиваются со сложностями в понимании того, какие именно действия попадают под статью 151.2 УК. Тем самым в судебной практике можно встретить случаи ошибочного вменения данной нормы. Так, 19-летняя девушка была привлечена к уголовной ответственности за то, что вовлекала 16-летнюю в употребление паров газа из баллончиков для заправки зажигалок. В данном случае вернее было бы инкриминировать ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), а не 151.2 УК РФ [3, с. 240].

В десятку самых растущих интернет-сообществ входят: вовлечение детей в диверсии – рост в 43 раза и охват 650 тысяч человек, трансляции с приемом наркотиков – рост в 58 раз и аудитория до 1,2 миллиона человек, пропаганда и продажа наркотиков – рост в 22 раза, суицидальные игры и квесты, треш-стримы, реклама онлайн-казино, насилие по отношению к животным, анимэ-жестокость, отрицание ценностей семьи, нацизм и национа-

лизм. Лидеры по распространению опасного контента – иностранные IT-площадки, которые «не замечают» роста экстремизма и негатива в Сети [2].

Обобщив лишь некоторые аспекты исследуемой проблемы, считаем целесообразным усилить правовое и техническое регулирование в целях борьбы с экстремизмом в сети «Интернет». Технические средства должны быть разработаны для обнаружения и блокировки экстремистского контента, чтобы предотвратить его распространение и доступность. Важным аспектом такой борьбы является продуктивное сотрудничество стран. Кроме того, важно пропагандировать информационную грамотность среди несовершеннолетних пользователей сети «Интернет», предоставить им знания и развить способность различать экстремистскую пропаганду и фальшивые новости от верифицированных и достоверных источников информации. Образовательные программы и курсы должны быть разработаны для обучения несовершеннолетних, как распознавать и реагировать на экстремистскую деятельность в сети «Интернет». В конечном счете, борьба с экстремизмом, в том числе в сети «Интернет», требует наличия всесторонних и комплексных мер. Профилактика преступности в сети «Интернет» включает законодательные и технические меры по блокировке распространения экстремистской пропаганды, повышению информационной грамотности несовершеннолетних в сети «Интернет».

В рамках проведенного исследования совершения преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационных технологий, автором был проведен опрос семей, имеющих несовершеннолетних детей. Цель опроса заключалась в получении информации о предпринимаемых родителями либо законными представителями несовершеннолетних мер безопасности в сети «Интернет». В опросе приняли участие 54 семьи, имеющих детей в возрасте от 14 до 18 лет.

Результаты опроса показали отсутствие достаточных знаний у родителей о мерах безопасности в сети «Интернет» в части защиты несовершеннолетнего от нежелательного контента, только 28 % родителей (законных представителей) знают и применяют меры защиты. При этом, менее половины опрошенных осуществляют контроль посещаемых сайтов несовершеннолетним. В большинстве случаев (80 %) родителей проводили беседу с ребенком о возможных рисках сети «Интернет».

Отсутствие достаточных знаний у родителей о мерах безопасности в сети «Интернет» можно компенсировать путем информационной поддержки родителей либо законных представителей с созданием простых и доступных инструкций по настройке родительского контроля, мониторингу активности детей в сети «Интернет» и распознаванию признаков опасности. Целесообразно создание горячих линий и консультационных центров по вопросам интернет-безопасности для родителей и несовершеннолетних.

Результаты. Основным направлением профилактики преступности в сети «Интернет» в отношении несовершеннолетних должно стать повышение уровня осведомлённости несовершеннолетних об угрозах в сети «Интернет» и мерах защиты. Повышение уровня осведомленности предполагает участие родителей, образовательных учреждений, правоохранительных органов, а также общественных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барсукова А. В., Зуев Д. В. Разграничение понятий «иные действия сексуального характера» и «развратные действия» // Проблемы становления гражданского общества: сб. ст. межд. науч.-студ. конф., Иркутск, 24 марта 2023 г.: в 2 частях. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. Часть II. С. 143–146.
2. Емельяненко В. Рост виртуальных атак против детей перерастает в агрессию // Российская газета. 2023. № 33 (8978).
3. Ломтев Е. И. Проблемы толкования признаков состава преступления «вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: матер. межрегион. науч.-практ. конф. Симферополь: «КФУ имени В. И. Вернадского», 2024. С. 237–243.
4. Михайлова Е. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения преступлений против личности: вопросы законодательной регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 186–193.
5. Официальный сайт Северского городского суда Томской области. URL: <http://seversky.tms.sudrf.ru> (дата обращения: 04.09.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

REFERENCES

1. Barsukova A. V., Zuev D. V. Razgranichenie ponjatij «inye dejstvija seksual'nogo haraktera» i «razvratnye dejstvija» // Problemy stanovlenija grazhdanskogo obshhestva: sb. st. mezhd. nauch.-stud. konf., Irkutsk, 24 marta 2023 g.: v 2 chastjah. Irkutsk: Irkutskij juridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2023. Chast' II. S. 143–146.
2. Emel'janenko V. Rost virtual'nyh atak protiv detej pererastaet v agressiju // Rossijskaja gazeta. 2023. № 33 (8978).
3. Lomtev E. I. Problemy tolkovanija priznakov sostava prestuplenija «vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie dejstvij, predstavljajushhih opasnost' dlja zhizni nesovershennoletnego» // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravlenija protivodejstvija prestupnosti: mater. mezhregion. nauch.-prakt. konf. Simferopol': «KFU imeni V. I. Vernadskogo», 2024. S. 237–243.
4. Mihajlova E. V. Ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionnyh setej (vključaja set' Internet) dlja sovershenija prestuplenij protiv lichnosti: voprosy zakonodatel'noj reglamentacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 186–193.
5. Oficial'nyj sajt Severskogo gorodskogo suda Tomskoj oblasti. URL: <http://seversky.tms.sudrf.ru> (data obrashhenija: 04.09.2024).
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.12.2014 goda № 16 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2015. № 2.

Информация об авторе

Юлия Игоревна Козаренко, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, улица Историческая, д. 130, 400089, г. Волгоград, Российская Федерация, 4ernika87@mail.ru, SPIN-код: 6365-0030, AuthorID: 678212.

Information about the Author

Yulia I. Kozarenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the UNK on PS in the Department of Internal Affairs of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 130 Historichesky Street, 400089, Volgograd, Russian Federation, 4ernika87@mail.ru, SPIN-код: 6365-0030, AuthorID: 678212.

Для цитирования: Козаренко Ю. И. Криминологическая характеристика преступности в отношении несовершеннолетних в сети «Интернет» // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 95–102. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N3.pdf.

Сетевое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

№ 3(13) 2024

Дата выхода в свет:
9 октября 2024 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10